

ВАЛЕРИЙ ЛОНСКОЙ

ПИРЯТИНСКИЕ УЗНИЦЫ

повести

Валерий Яковлевич Лонской

Пирятинские узницы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72643018

В. Лонской. Пирятинские узницы. Повести: ООО «Бослен»; 2022

ISBN 978-5-91187-194-9

Аннотация

В книгу включены повести, некоторые из которых послужили литературной основой фильмов В. Лонского: «Барханов и его телохранитель», «Артист и мастер изображения», «Двойная пропажа». Каждая повесть – это рассказ о людях, которые живут обычной жизнью, приспосабливаются к изменениям времени, переживают взлеты и падения, обманывают, любят, устанавливают свои жизненные правила, меняют свои привязанности и меняются сами.

Содержание

Барханов и его телохранитель	5
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Валерий Лонской

Пирятинские

узницы. Повести

© Лонской В. Я., 2013

© ООО «Бослен», 2013

* * *

Барханов и его телохранитель

Жена была сварлива, несмотря на молодость и миловидную внешность, зла на язык и, когда пилила Алябьева, не знала меры.

И время в стране было непростое. Все кругом дорожало, перепродавалось, выменивалось, преступность лезла из щелей, хороводилась с теми, кто должен был ее пресекать... а Алябьеву, рядовому артисту, зарплату в театре не увеличивали. И какой она была, сказать стыдно.

Жена измывалась над неудачником ежедневно.

– Артист гребаный! Мочалов хренов! – Имелся в виду прославленный трагик Мочалов, живший в девятнадцатом веке и посвятивший себя беззаветному служению театру, бескорыстие которого раздражало сварливую женщину не меньше, чем безденежье собственного мужа. – Другие вон доллары стригут, а он лишнего рубля заработать не может!..

– Как? Объясни! Расскажи! – взмахивал нервно руками Алябьев, зная наперед все, что жена скажет.

– Способов миллион! Было бы желание задницу от стула оторвать! К главному ступай, добейся, чтобы зарплату увеличили... А нет – иди пивом торгуй, вон «шурики» на каждом углу сидят, в небо поплевают! Можно бензин перепродавать на выезде из города, тоже прибыльное дело!

За окном загрохотало. Там, будто аккомпанируя мучи-

тельным речам жены, мчался по мосту электропоезд – метрах в семидесяти от дома тянулась открытая линия метро.

– Зина! – подавленно вздыхал артист. – Ты не понимаешь... Искусство – это... это... Я способен делать лишь то, что умею...

– Да в массовке бегать и я могу, – зудела Зина. – Чтобы выносить шлепанцы за Гамлетом, необязательно было институт кончать!

– Зина, какие шлепанцы у Гамлета?! Ты меня сводишь с ума!.. – кривился, как от боли в сердце, артист, отходил к окну и с тоскою смотрел вниз – с высоты пятого этажа – на фигурки прохожих, на очередной электропоезд, мчащийся с грохотом по насыпи.

Человек по прозвищу Дохлый внешним видом своим никак не соответствовал данной ему кличке. Это был могучий мужик лет тридцати, этакая гора мяса, с большими ручищами, стриженной наголо головой и глубоко посаженными, как у обезьяны, глазами. В общем, ничего замогильного. Возможно, основанием для прозвища послужила небольшая татуировка, изображавшая череп с костями, которая украшала его грудь над правым соском.

По пятницам у Дохлого было много работы. Вооружившись пистолетом, который он держал под курткой за поясом, Дохлый садился в джип и ездил по «клиентам», с которых собирал еженедельную дань для своего строгого «шефа». Если случалось, что кто-то из подопечных, проявив стропти-

вость, отказывался платить, Дохлый не грозил, не запугивал, не обещал «кары небесной» за сокрытие доходов. Это не входило в его обязанности. Он с молчаливой скорбью смотрел на отступника и, не вступая с ним в разговоры, уходил. Но вслед за этим приезжала так называемая «банная команда», состоявшая из нескольких громил, и «парила» бедолагу по полной программе, пока тот не отдавал концы или не выкладывал на стол необходимую сумму.

От Дохлого требовалось одно: получить у «клиента» деньги и доставить их в сохранности Шефу.

Как раз сегодня была пятница, и Дохлый совершал свой привычный вояж. Он подъехал к старому в четыре этажа дому в районе Бульварного кольца, припарковался и вошел в подъезд. Поднялся на нужный этаж, позвонил в дверь.

Хозяин квартиры с неподкупным лицом демократа сидел в это время вместе с женой за обеденным столом и ел отбивную. Услышав звонок, он отодвинул тарелку, вышел в прихожую и впустил Дохлого.

Затем выпроводил из комнаты жену, открыл секретер, инкрустированный в китайском стиле, вынул оттуда пухлый конверт с деньгами и протянул его сборщику дани.

Дохлый, сосредоточенно сдвинув брови, заглянул в конверт, убедился в наличии денег в нем и, кивнув удовлетворенно, бросил его внутрь черного аккуратного кейса, где уже лежало штук десять подобных конвертов...

Следующей точкой на маршруте Дохлого была модная па-

рикмахерская, расположенная на бойком месте.

Миновав мужской и женский залы, где, как обычно, вертелась уйма всякого народу, Дохлый прошел в кабинет директора.

Директор, а точнее директриса, пышная дама под сорок, была не одна. Она что-то оживленно обсуждала с сидевшей напротив яркой блондинкой лет двадцати трех, обладательницей длинных красивых ног.

Увидев Дохлого, вставшего в центре комнаты наподобие статуи, обе женщины тут же умолкли. Директриса с покорным выражением лица вышла из-за стола, прошла к сейфу в углу. Достала из него несколько денежных пачек и, не сказав ни слова, протянула их сборщику дани.

Дохлый взглянул, из каких купюр состоят пачки, шевеля беззвучно губами, как начинающий учиться считать школьник, прикинул, сколько же получается в целом, и бросил с невозмутимым видом деньги в кейс.

– Хороший улов! – отметила блондинка, шевельнув красивыми ногами. В отличие от онемевшей директрисы, она не прочь была пофлиртовать с мужиком, у которого такие «ломовые» деньжищи. – С таким парнем, как ты, и раскрутиться не грех!..

Она вытянула холеную руку и коснулась пальцами могучей ладони Дохлого.

Дохлый отстранил ее руку.

– В другой раз, красотуля!..

И вышел за дверь.

А Зина продолжала пилить Алябьева в их скромной маленькой квартирке на пятом этаже.

Вот ведь напасть! В то время как другие жены, когда их мужья приходят с работы, готовы обласкать их, утешить, разделить с ними тяготы текущего дня, эта зудела и зудела, словно назойливая муха, и ничто не могло ее остудить. В общем, стерва, хоть и с благообразной физиономией!

– Ну вот, теперь с газетой уселся! – Зина грохнула утюгом по подставке, увидев, что Алябьев взял в руки газету. – Думай лучше, где деньги достать. Андрюшке зимнее пальто нужно...

– Я и думаю, – буркнул Алябьев.

– Результатов что-то не видно от твоих дум!.. Вон у Ленки муж по три тысячи баксов приносит, птица!

– Что же мне теперь – повеситься на собственном галстуке?

– Размечтался, Есенин хренов! Легко хочешь отделаться... Заимел ребенка – крутись! Это ты меня, райской жизнью завлекая, на спину укладывал, а не я тебя!

Алябьев, худой, небритый, с посеревшим от забот лицом, держался с мужеством партизана, приговоренного к расстрелу.

– Как тебе не стыдно! – простонал он.

Зина вновь взялась за утюг и стала гладить детскую ру-

башку.

– Бросай свой театр, бросай! Все равно толку никакого... Пойдешь к Ленкиному мужику в помощники, я договори-
лась. Он сказал, что даже будет рад, если у него артист в под-
ручных бегать станет... – Зина вдруг задумалась над смыс-
лом слов, сказанных мужем подруги. – Вот гад! – обругала
она его смачно. И коротко помолчав, философски добави-
ла: – Но ничего не поделаешь. Сейчас такие верховодят, сей-
час время козлов... Где вы, милые большевики, ау!

Дохлый тем временем продолжал свое хлопотное дело.
Приехав по очередному адресу, вышел из лифта, позвонил
в дверь.

Открыл ему хозяин квартиры, круглолицый, с физионо-
мией сытого кота. Увидев Дохлого, он испуганно попятился
задом. Дохлый шагнул за ним.

Так они и вошли в комнату: один – пятясь задом, другой
– наступая на него.

В гостиной у стола сидел щуплого вида паренек, с просто-
душным лицом, одетый в потертую матерчатую куртку, и пил
чай из блюдца, которое держал на купеческий манер пятью
пальцами одной руки. Перед ним стояла вазочка с вареньем
и тарелка с пирожными. Каждый раз, прежде чем сделать
глоток, паренек церемонно дул на блюдце, устремив умиро-
творенный взор на живописный портрет хозяина, висевший
на стене напротив.

Надо сказать, эта идиллическая картина чаепития в духе Кустодиева Дохлому почему-то сразу не понравилась. Хотя что тут такого? Сидит паренек, возможно, родственник хозяина, и пьет чай из блюдца. Может, он из студентов – перекусить к дяде пришел.

Дохлый цепко оглядел комнату и, не обнаружив ничего подозрительного, успокоился.

– Ну, – повернулся он к хозяину, – давай бабки!

Тот затравленно взглянул на него, перевел недоуменный взгляд на парнишку.

– Хрусты гони! – строго повторил Дохлый, не понимая, чего «клиент» тянет резину.

– Послушайте! – хозяин чуть не плакал. – Сначала один пришел, – он указал пальцем на паренька у стола, – теперь другой... – И вдруг взорвался, заорал, забегал по комнате, негодуяще размахивая руками: – Кровососы! Совсем обнаглели! Двойной данью обложили, рэкетиры сраные! Не дам! Больше ни рубля не дам! Я вам не дойная корова! Так и передайте тем, кто вас послал!..

И хотя Дохлый не отличался особой сообразительностью, но все же до него дошло, что за столом сидит не родственник хозяина, а опередивший его конкурент.

– Ты кто? – спросил он у паренька, шевельнув бровями. – Из какой команды?

Паренек невозмутимо воззрился на Дохлого и, выдержав паузу, во время которой с присвистом глотнул из блюдца,

вызывающе заявил:

– Это неважно!

У Дохлого в горле перехватило от подобной наглости.

– А ты знаешь, сучонок, что это наша территория? – И он сжал свой огромный кулак. – Я тебе, тварь, сейчас яйца вырву!

– Попробуй! – вновь с вызовом ответил паренек, но лицом, надо сказать, побледнел, оценив мощную фигуру конкурента.

Дохлый поставил кейс на пол у двери, чтобы быть свободным в драке, и двинулся к столу.

Хозяин, в ужасе от предстоящей разборки и возможного крушения мебели при этом, вжался в стену.

Паренек сорвался со стула, обежал стол по кругу и остановился за ним, чтобы быть на расстоянии от Дохлого.

Тот же продолжал наступать на него, как медведь наступает на жертву. Рот его кривился от гнева.

Пока внимание Дохлого было занято пареньком, в коридоре мелькнула неясная тень и чья-то рука, коротко обозначившись в дверном проеме, подхватила кейс Дохлого, а на его место поставила другой – точно такой же. Секунда, две, три – и в прихожей хлопнула входная дверь.

Увидев подмену кейса, паренек удовлетворенно хмыкнул, как явно причастный к этому делу. Теперь надо было выбираться. Он вскочил на диван, чтобы быть повыше, выхватил из кармана гранату. И, ухватившись за чеку, заорал, обраща-

ясь к Дохлому:

– Ложись, жаба толстая, а то взорву! И от тебя только кло-
чья полетят!

Дохлый, увидев гранату, замер на месте.

– На пол, живо! – потребовал паренек, поднимая гранату
вверх. – Считаю до трех! Раз...

Видя, что конкурент не шутит, Дохлый рухнул лицом на
паркет – в серванте на полках аж рюмки запрыгали, зазвене-
ли!

Выдержав паузу, паренек выдернул чеку и сунул гранату
в круглую вазу, где лежали яблоки.

– Сейчас рванет! – крикнул он и бросился к выходу.

Дохлый и несчастный хозяин квартиры вжались в пол.
Дохлый мгновенно взмок от страха. Еще бы! Одно дело –
уродовать других, чувствуя свою безнаказанность, иное – са-
мому оказаться в положении жертвы и стучать от страха зу-
бами, упираясь носом в край пыльного ковра.

К счастью, граната не взорвалась. Как выяснилось позже,
это был хорошо сделанный муляж...

Тем временем паренек в куртке, которого звали Леня, и
его напарник, коренастый мужчина с веселыми глазами, по
фамилии Барханов, являвшийся организатором всей этой
затеи с подменой кейса, спешили покинуть место действия.
Бегом они пересекли двор и, пробежав под аркой, выскочи-
ли на оживленную улицу.

На перекрестке они разбежались в разные стороны.

Барханов некоторое время энергично шел по тротуару, поглядывая любовно на кейс, но, услышав где-то далеко за спиной какие-то крики, швырнул свою добычу в кузов проезжавшего мимо небольшого грузовичка, сбавившего на повороте скорость, уцепился за борт и, подтянувшись на руках, сам последовал туда же.

Грузовичок вырулил на Садовое кольцо и покатился в шумном потоке машин, увозя Барханова, уютно устроившегося на тюках, подальше от опасного места.

Зина водила утюгом по влажной простыне и, будто испытывая терпение мужа, продолжала, как неугомонный дятел, долбить хрупкий ствол семейного дерева, не думая о том, что в один прекрасный момент этот ствол может рухнуть.

– Я знаю, знаю, – расширив глаза, пела она свою песню, – почему ты за свой тухлый театр держишься...

– А тут и знать нечего, – глянул исподлобья Алябьев. – Люблю – и все.

– Конечно, любишь! – согласилась с ним Зина. – Вы все это дело любите. Поэтому и перетрахались у себя в театре друг с дружкой, точно кролики!

Алябьев сжался, как от удара.

– Опомнись, что ты говоришь!

– Правду говорю, правду!

– Господи, как у тебя язык не отсохнет от этих мерзо-

стей...

– Ах, мерзости!.. – Зина бросила утюг на подставку. – А приносить домой гроши – это не мерзости? А отказывать ребенку во всем необходимом, когда другие дети обжираются, – это не мерзости?!

Алябьев шевельнул желваками и закрыл глаза. Начинался новый виток психологической обработки, и тут уж глумливую жену не остановить. Бледное лицо его в эту минуту было похоже на лицо покойника.

– Нет, вы только посмотрите: он глаза закрыл! – брызнула слюной Зина, нажимая на все педали своего разрушительного танка. – Ты что из себя Янковского изображаешь? – Актер Янковский был, пожалуй, одним из немногих в актерской среде, кого Зина держала за авторитет. – Не пыжься, ты не Янковский! Не похож!

Алябьев сидел на стуле и глаза не открывал. «Уехать бы куда-нибудь, хоть на необитаемый остров!» – подумал он.

Зина слишком хорошо знала мужа и сразу догадалась, о чем тот думает.

– А-а, на необитаемый остров захотел? Ишь, Миклухо-Маклай хренов! Поезжай, поезжай! И ребенка с собой возьми, и мать свою с больной ногой... Я ее обхаживать без тебя тут не буду!

Алябьев наконец открыл глаза. И увидел перед собой распахнутое окно – оно сразу привлекло его внимание. За окном шумела улица, жил своей жизнью равнодушный город...

чужой мир. Решение пришло мгновенно. И ничто теперь не могло остановить артиста. Жизнь проиграна по всем статьям, осталось последнее – смерть!

Точно во сне, Алябьев поднялся со стула, беззвучной тенью проскользнул за спиной жены к окну... Придвинув к нему табуретку, влез на подоконник и... бросился вниз.

Зина даже не поняла, что произошло и куда делся ее муж. Курить, что ли, пошел на лестницу или в туалет?

Тело Алябьева пролетело несколько этажей, нырнуло в густую листву разросшейся под окнами старой липы, крутанулось там среди ветвей и вылетело в сторону проезжей части, где и упало в кузов грузовичка, проезжавшего мимо, на тюки с ватой.

Грузовичок был тот самый, в котором чудесным образом устроился Барханов и, лежа на спине, смаковал детали удачно проведенной операции. Услышав за спиной глухой удар, произведенный упавшим телом, он резко обернулся. Пальцы его мгновенно выхватили из-за пояса пистолет. Барханов был человеком всегда готовым к разного рода неожиданностям.

Взору его предстали две ноги в поношенных кроссовках, торчащие из тюков, устремленные вверх. Ноги зашевелились, задвигались... Исчезли из поля видимости Барханова, и вместо них появилась всклокоченная голова.

– Где я? – спросила голова, вращая безумными глазами, пытаясь осмыслить происходящее. – Скажите, где я?

– В раю... или в жопе, как и все! – невозмутимо сообщил Барханов, убедившись, что этого типа можно не опасаться.

Когда он пригляделся к незнакомцу, лицо его озарила улыбка. Это был его старый школьный товарищ.

– Серега! – вскричал он, протягивая руки. – Иди сюда, рожа небритая!.. Что, не узнаешь?

Глаза Алябьева обрели осмысленность. Он тоже узнал Барханова.

– Барханов! Олег! – И сполз по тюкам вниз.

Барханов энергично потряхнул его за плечи.

– Здорово! Давненько, парниша, наши пути не пересекались... Лет пять, поди, будет и даже больше!.. Наслышан о твоих успехах, наслышан! Говорят, в большие артисты выходишь?

– А-а, – отмахнулся Алябьев, – был артист и весь вышел... Так, стало быть, я жив?.. Эх, брат, зачем?! Хотя, признаюсь, рад тебя видеть...

– В каком смысле – жив? – не понял Барханов. – Конечно, жив! А как ты в кузов-то попал?

– Да, понимаешь, дрянная история... – потупился артист. – Не в кузов я хотел, совсем не в кузов...

Барханов внимательно посмотрел на приятеля.

– Из окна, что ли, сиганул? Порешить себя хотел?!

Алябьев кивнул.

– Ух, черт! – дернулся потрясенный Барханов. – Это ты из-за Зинки, что ли? Из-за этой акулы? Дурак ты, дурак! –

скривился он, выразив гримасой свое отношение к поступку артиста и к его жене, которая, по его мнению, не заслуживала столь сильного проявления чувств.

Некоторое время спустя они вошли в подъезд дома, где Барханов снимал квартиру, поднялись по лестнице.

– Значит, так, – решил за приятеля Барханов. – Пусть твоя мымра второсортная считает, что ты разбился. У тебя начинается новая жизнь! Поживешь пока у меня, а там разберемся, что и как...

Вошли в квартиру. В ней было несколько комнат, и почти все пустые. Вещи и кое-какая мебель – старинное кресло, антикварный стол пушкинских времен и раскладушка, покрытая клетчатым пледом, – находились в одной комнате, где, видимо, и обитал хозяин. Обжитой была и кухня. Там стоял холодильник, и в раковине громоздилась вымытая посуда.

– Деньги у тебя есть? – спросил Барханов.

Алябьев порылся в карманах, вынул мятую купюру, протянул приятелю.

– Юморист! – усмехнулся тот. – Разве это деньги? Тут на кружку пива не хватит. Трагик!

Барханов присел к столу, положил сверху кейс.

Алябьев оглядел комнату, нехитрые пожитки.

– Это твое жилье?

– Снимаю... – Барханов достал из ящика стола отвертку, сорвал на кейсе оба замка. – Посмотрим, что мы имеем с гуся... – Он открыл крышку кейса, заглянул внутрь. Высыпал

на стол содержимое одного конверта, другого, третьего. – О, да тут целое состояние! – засмеялся он. – Ничего себе гусек, на целую индейку потянет! А может, и на кабана!

От количества денег у Алябьева зарябило в глазах.

– Откуда столько?

– В кустах нашел! – усмехнулся Барханов, уходя от правдивого ответа. – Зашел по нужде, гляжу – кейс, чуть ноги не обмочил!.. – Он протянул Алябьеву пачку сторублевых. – На, возьми. Это тебе на мелкие расходы: туда-сюда, пивка попить...

Алябьев повертел в руках пачку, положил обратно на стол.

– Я не возьму.

– Не понял?

– Не смогу отдать... Нам в театре негусто капает.

– Брось, Серега, не пыли без нужды! Мы с тобой еще больше заработаем.

Алябьев покачал головой. Увидел яблоки в вазе и, запнувшись, попросил:

– Лучше яблочко съем... Можно? – Его мутило от голода.

– Какой же ты дурак! – всплеснул руками Барханов. – Семь лет ты свою жену-поганку слушал, теперь послушай меня... Ты на себя в зеркало давно смотрел?

– А что?

– Так посмотри... во что ты превратился! – Барханов сдернул со стены небольшое овальное зеркало, сунул его под

нос приятелю. – Ты же был самый приметный в классе, самый толковый... Телки вокруг тебя круги писали, любая готова была задницу оголить!.. А теперь что? Глаза – как у дохлой рыбы! А ведь ты еще молодой мужик! Она тебя что – загипнотизировала?

– Давай не будем об этом, – попросил устало Алябьев.

– Хорошо, давай не будем... – согласился Барханов. Взял со стола початую бутылку водки, плеснул понемногу в два фужера. Один протянул Алябьеву и спросил, оглядывая его фигуру и опущенные плечи: – Ты хоть по утрам зарядку делаешь?

– Уже нет.

– Уже нет... Тогда завтра с утра начнем с гантелей! – И чокнулся с приятелем, предлагая выпить за начало новой жизни.

– Шляпа! Баран! Лох! – орал на Дохлого помощник Шефа, сухощавый блондин с красным лицом и выгоревшими на солнце бровями, по кличке Писатель, узнав, что тому подменили кейс с деньгами.

Дело происходило на явочной квартире, в просторной гостиной, с пальмами по углам и картинами в дорогих рамах на стенах, больше похожей на зал в музее, чем на место, где затеваются темные дела.

До прихода Дохлого Писатель сидел за широким столом, на котором стояли несколько телефонных аппаратов, ком-

пьютер и в центре – хрустальная ваза в виде ладьи, полная шоколадных конфет в разноцветных фантиках. Томясь от безделья, запуская изредка пальцы в вазу с конфетами, Писатель сочинял романтические вирши о боевых подвигах Шефа и его отважной команды, ну и свою личную роль в этих подвигах не стеснялся отразить. Сегодня хорошо писалось. Писатель чувствовал прилив вдохновения... И вот явился этот идиот и все испортил!

– Тебя обули как последнего кретина! – негодовал Писатель. – Такие бабки просрал!.. Эти стригуны пасли тебя, вероятно, не меньше месяца, а ты их прошляпил! – Писатель взял из вазы очередную конфету, сунул ее в рот. Немного успокоился. – Как они хоть выглядели?

Дохлый подавленно молчал и лишь громко сопел. Наконец, заговорил осипшим от расстройства голосом:

– Один – хлипкий такой... Возьмешь за горло, моча польется! Второй... Второго видел только со спины, уже на улице... Тот покрепче будет.

– Дай кейс! – потребовал Писатель.

Дохлый послушно отдал кейс, тот, что ему подсунули. Писатель положил кейс на стол, открыл крышку. Внутри на старых мятых газетах уныло теснились друг к другу четыре пустые бутылки из-под водки с многозначительным названием «Привет». Надпись «Привет» на этикетках выглядела особенно вызывающе. Писатель скривился, словно обнаружил потерю собственного бумажника.

– Ну все, Дохлый! – сказал он. – Теперь тебя точно Шеф отправит на улицу матрешками торговать!

Дохлый застонал от ужаса, представив себя с лотком матрешек на Арбате.

– Только не это, только не это!..

В центральной части города, в одном из министерств, зазвонил телефон. К аппарату подошел вышколенный референт, снял трубку.

– Подождите минуту, сейчас позову, – ответил он, выслушав то, что ему сказали на другом конце провода.

Референт положил трубку рядом с аппаратом, прошел в большой, хорошо декорированный зал, где проходило совещание и за столом сидело человек десять респектабельных мужчин разного возраста.

Остановился за спиной одного из них, лысоватого, холерного, с подвижным лицом и острым взглядом, и шепнул:

– Вас к телефону, срочно...

Лысоватый мужчина поднялся, извинился перед собравшимися и вышел.

Взял трубку, выслушал, что ему сказали, изменился в лице.

– Мутанты! Дебилы! – выругался он. – Вам бы только девочек по углам мусолить, а работать не умеете!.. – Он оглянулся на сидящего в конце приемной референта, понизил голос: – В общем, так: этих двух «кустарей» срочно найти и

убрать! Ты меня понял, Писатель?

– Понял, – подобострастно кивнул Писатель на явочной квартире.

Дохлый не слышал слов Шефа и, глядя в лицо Писателя, покорно ждал решения своей участи.

– Ну? – заволновался он, когда Писатель повесил трубку.

– Ну, ну... Гну! – Писатель подошел к Дохлому и, выдержав паузу, объявил приговор: – Шеф дает тебе возможность загладить свою вину, цени! Значит, так... Ты и Болт – Болт будет за старшего...

– Почему Болт за старшего? – обиделся Дохлый.

– По кочану! Ушами хлопать меньше надо! Значит, Болт будет за старшего... Отыщите этих недоносков, заберете бабки, а им... пушку в рот!

– Где же мы их найдем?

– Это уж твоя забота! – жестко оборвал его Писатель. – Сумел выпустить из рук такие бабки, теперь крутись, дуrolом!.. – И принялся рассуждать, понимая, что у Дохлого не хватит мозгового вещества на серьезную аналитическую работу: – Я думаю, искать их следует в том районе, где они тебя пасли. Наверняка один из них там живет. Вот и соображай, что к чему.

Что бы стал делать цивилизованный немец, удачно повернувший щекотливое дельце? Непременно положил бы

деньги в кубышку и затаился до лучших времен. А что делает наш человек? Тут же идет в соответствующее место, чтобы обмыть успех.

Еще несколько лет назад ресторан «Пекин» при гостинице с тем же названием, расположенной на Маяковке, тихо умирал, превращаясь в затрапезную столовую, куда и заходить-то не хотелось. Но настали другие времена, и жизнь в ресторане круто изменилась. Стены и потолки в залах преобразились, засветились китайским разноцветьем, столы засияли белоснежными крахмальными скатертями, изменилось меню, став изысканным и многообразным, появилось ревю с участием длинноногих девушек, нацепивших черные парики и работающих под китаянок. Энергичные ребята-музыканты во главе с обаятельным усачом Карлом наявивают после ревю до полуночи, и от желающих потанцевать нет отбоя. Одним словом, жизнь в ресторане сегодня бьет ключом! И деньги, денежки, деньжата летят там, словно листья с деревьев по осени, – успевай только шевелиться! Но пустых мест за столиками нет, значит, с купюрами у граждан все в порядке, и немало приходит таких, кто легко расстаётся с ними, не мучаясь головной болью от мыслей о хлебе насущном.

В это замечательное место и отправились вечером Барханов и Лёня, взяв с собой несчастного Алябьева, чтобы отметить успешное дело.

Барханов любил этот ресторан и, когда появлялись деньги, непременно сюда заходил. Ему нравилась ресторанная ку-

терьма, круговерть веселых лиц, бегающие официанты, холёные женщины, размягченные от спиртного, – здесь можно было расслабиться и быть самим собой. Была бы такая возможность, Барханов и спал бы в ресторане – в шуме, гомоне, в всплесках музыки! По крайней мере так он говорил друзьям.

– Обожаю это место! Здесь бы коечку поставить и спать, до того хорошо! – повторил он и сегодня, весело оглядывая зал.

– Классно! – согласился с ним простодушный Леня. Он в подобные места ходил редко, сказывалось отсутствие средств и другие жизненные интересы. Леня любил посидеть с книгой, любил подумать в тишине. Но сегодняшний вечер не в счет, сегодня, можно сказать, был особый случай.

Алябьев, оправившийся после драматического прыжка в окно, как-то успокоился, повеселел и с аппетитом уплетал какое-то диковинное блюдо, которое принесли на горячее.

– Вкусно, – промычал он.

После выпитого и хорошей еды скверная домашняя жизнь, жена Зина, неурядицы последнего времени – все это осталось в стороне, потускнело, растворилось в ресторанном шуме и табачном дыму и казалось теперь элементами чьей-то чужой, далекой ему жизни.

– Ешь, ешь, Серега! – воскликнул Барханов с чувством хлебосольного хозяина, радуясь, что может доставить удовольствие старому приятелю. – Твоя Зинка, поди, только яй-

ца над сковородкой может разбивать!..

– Ну, зачем ты так... – обиделся Алябьев.

– Молчу, молчу! – не стал продолжать Барханов.

Артист вновь принялся за еду.

– Очень вкусно! Интересно, сколько стоит такое мясо?

– Какая разница! – Барханов махнул рукой. – Ешь! Я угощаю!

– И все-таки?

Леня взял со стола меню – ему тоже хотелось узнать стоимость блюда, – открыл меню, нашел нужное название.

– В переводе на зеленые: девяносто долларов – порция...

Алябьев чуть не поперхнулся.

– Сколько?!

Барханов отобрал у Лени меню.

– Не порти человеку аппетит!

– Надо же... – Алябьев глядел в тарелку и решал – стоит ли продолжать есть столь дорогостоящий продукт?

– Ешь и не дергайся! – успокоил его Барханов. Он обвел глазами переполненный зал ресторана. – Это жлобье может себе позволить такую жратву, а чем мы хуже? Если бы они зарабатывали свои бабки честным путем, я, быть может, до сих пор на своем заводе инженерил... Но жизнь, увы, – не целомудренная невеста, а изрядно порченная бабенка! Уверен, большинство из тех, кто здесь сидит, воруют, перепродают, вымогают... А я не люблю, когда меня за дурачка держат! И делаю ответный ход!

Алябьев, выслушав его речь, напрягся:

– Так, стало быть, вы свои деньги...

– Нашли! – прервал его Барханов, не желая огорчать честного приятеля. – В кустах! Я тебе уже говорил. Спроси у Лени...

– Ну, в общем, так... – простодушно по-детски улыбнулся Ленья. – А ведь классно получилось, – не выдержал он. – Такая куча денег! – И поднял свою рюмку: – Выпьем за удачу! – Давайте, – поддержал Барханов.

Все трое сдвинули рюмки, чокнулись. Выпили.

Ленья подцепил вилкой маринованный гриб, занюхал им выпитую водку и возбужденно продолжал:

– Я своим сразу деньги почтой отправил. У меня отец сроду таких бабок не видел... Теперь уж точно он достроит свой аппарат. Знаете, кто у меня отец?

– Кто? – проявил интерес Алябьев.

– Самородок! – гордо сообщил Ленья. И понизил голос, словно речь шла о военных секретах: – Он в сарае самолет строит. Настоящий! – Ленья подпер лицо ладонью. – Я вот окрепну немного, поднакоплю деньжат и в деревню вернусь, не нравится мне здесь... Знаете, какая у нас деревня? Высокий берег, внизу речка, и дали – глаз не оторвать!

– Чепуха! – поморщился Барханов, выросший в городе и любивший городскую жизнь. – В городе лучше! Признаюсь, я без цивилизации – никак... Без горячей воды – просто тупею! Опять же, скажите, что за радость – в сортир по морозу

бегать?..

Тем же вечером Дохлый и назначенный ему в напарники Болт, блатной мужик, с колючим взглядом и шрамом от ножа на подбородке, в тубетейке неизвестного происхождения, надвинутой на лоб, приступили к поискам обидчиков. Точнее – одного из них, с кем Дохлый встретился лицом к лицу и кого хорошо запомнил.

Пара сидела в неприметных «Жигулях» поблизости от оживленного перекрестка, где потоком шел народ.

Дохлый, у которого уже рябило в глазах от обилия людей, обреченно вздохнул. Поиск обидчика представлялся ему делом безнадежным.

– Не вздыхай, а лучше по сторонам смотри, – посоветовал Болт. – Тебе сопли утерли, а не мне. Ты его в лицо видел, а не я. Конечно, это дело хлопотное... но найдем! Я верю!

Уверенность Болта в успехе подействовала на Дохлого ободряюще.

– Пусть он, падла, мне только попадется! – И Дохлый сжал кулак, представляя, как измордует эту дохлую букашку.

Болт включил зажигание и медленно поехал вдоль тротуара.

Было еще светло, хотя день уже заметно утратил дневную яркость. Людей на улице было еще много, и все куда-то шли и шли, и можно было подумать, что поблизости находится стадион, где сегодня встречаются ведущие футбольные

команды. Топтались у ларьков «крутые» парни, сбившись в группы по три-четыре человека, – их сразу можно было определить и по стилю одежды, и по манере держаться... У проезжей части, переминаясь с ноги на ногу, дежурили длинноногие девицы, высматривая себе клиентов; время от времени возле них тормозили машины и увозили одну из них с собой... Равномерному движению толпы мешала группа туристов-иностранцев, застрявшая у одной из витрин, заезжие гости, энергично жестикулируя, вели оживленный разговор – что их там привлекло, понять было невозможно... У подземного перехода стояли два уличных музыканта – один был с гитарой, другой держал кларнет – и играли что-то веселое. Поблизости на грязном мешке сидел бомж. В ногах у него стояла железная консервная банка, в которой лежала горсть мелочи. Бомж ничего не просил, был занят своими мыслями, и люди, проходившие мимо, сами бросали ему деньги...

В общем, кого здесь только не было. И вполне мог объявиться тот, кого бандиты искали.

Когда уже выпили изрядно, Барханову захотелось петь. Он вышел из-за стола, пошатываясь, пробрался к эстраде, сунул музыкантам деньги, и те, прервав на середине танец, пропустили его к микрофону.

Люди, сидевшие за столиками с интересом воззрились на него: что это за тип вылез на эстраду и чем хочет удивить?

Леня весело похохатывал, хлопая себя по коленям, наблю-

дая эту картину.

Барханов прикрыл лицо рукой, чтобы ничто не отвлекало его от пения, и, набрав в легкие воздуха, запел в полный голос. Песня была всем знакома, но слова в ней были другие – заметно отличающиеся от канонического текста.

Он был по ошибке
Посажен в тюрьму,
Он золото рыл
В Магадане далеко,
И родина щедро
Платила ему
Березовым соком,
Березовым соком!

Когда Барханов закончил, публика в ресторане, оценив пение и особенно новый текст, бурно приветствовала исполнителя...

Прощались приятели за полночь, сильно пьяные, стоя на улице у дверей ресторана.

– Ребя-а-та, поплыли ко мне! Приглашаю на рю... на рюмку чая... – предложил Леня. Он был счастлив и не хотел расставаться.

Барханов перед выходом «снял» девицу и теперь косился в сторону, где та его ждала.

– Езжайте без меня, – он подмигнул Алябьеву. И пояс-

нил: — У меня культурная программа намечается... Пока вы о всякой хреновине трепались, я телку снял... — Он пьяно облобызал Алябьева. — Поезжай к Лене, Серега... А потом — ко мне. И больше никуда, ни-ни! Понял?

— Понял, — тряхнул отяжелевшей головой артист.

— Обещаешь?

— Ну.

— Клянись!

— Клянись! — повторил за Бархановым Ленья.

— Вот те крест!

— Смотри! — Барханов погрозил пальцем. Затем извлек из нагрудного кармана пиджака пачку денег. Протянул Алябьеву. — На!

— Зачем?

— На такси тебе, когда поедешь до меня...

— Не возьму! — заупрямился Алябьев. — Мне отдавать нечем...

— Бери!

— Нет.

— Ну, хорошо, раз ты такой щепетильный... Считай, я тебя на работу взял. А чтобы у тебя не было комплексов, будешь, Серега, моим телохранителем! Все равно у тебя в театре отпуск... А это твой аванс! — и он сунул деньги артисту в карман.

Алябьев пьяно озадачился.

— Какой из меня телохранитель... Телохранитель — это...

это... — он широко развел руки, подыскивая нужное определение, но так его и не нашел. И лишь сказал: — Я ж не такой сильный, как требуется...

— Зато — не дурак! — успокоил его Барханов. — А это главное. Верно, Леник?

— Верно! — подтвердил Леня.

Барханов протянул артисту руку.

— Все, держи пять!..

И двинулся в направлении девицы, которая его ждала.

— Э, постой... — ухватил его за рукав Алябьев. — Если я твой телохранитель, то — что это значит? Это значит, что я должен тебя повсюду сопровождать! И я пойду сейчас с тобой, — заявил он, переступая нетвердыми ногами.

— Ты что, рехнулся?! — оттолкнул его Барханов. — Не видишь, меня кукла ждет... Ты что, третьим к нам в кровать полезешь?

— Да, действительно... — озадачился Алябьев. Пьяная его мысль работала с трудом. — Тогда возьми деньги обратно... — Он и полез в карман за деньгами.

— Слушай, не морочь мне голову! — рассердился Барханов. Девица, проявляя нетерпение, уже в третий раз махнула ему рукой. — Я тебя нанял?

— Нанял.

— Я командую?

— Ты...

— Значит, так. Сейчас берешь под ручку Леника, отвезешь

его домой. А где-то через часик... полтора – приедешь ко мне. Врубился? Все, орлы, ариведерчи!

Он оттолкнул Алябьева. Притянул за уши Леню, чмокнул его в лоб. И устремился к своей красотке.

Время было позднее, а Дохлый и Болт все еще неспешно ездили по улицам. Правда, теперь не столь тщательно вглядывались в лица – сказывалась усталость.

– И я из-за тебя, блин, влип, – зевнул Болт. – Если б не ты, сидел бы сейчас дома с одной классной «соской» и зубы водярой полоскал!

– К черту! Давай закончим, – предложил Дохлый.

– Нет, – покачал Болт головой, – покрутимся еще...

– Может, его в другом месте искать следует?

– Скучно с тобой. – Болт вновь зевнул. – Ты этого сучонка где упустил? Здесь, на этой улице. И пасли они тебя где? В этом районе... Кроме того, случай – не последнее дело для нашего брата. Я верю в случай. Верю! Как бесплодная девка, не знающая о своем бесплодии, верит: авось пронесет и – обойдется без брюха! Так что не ссы, будем ждать!

Надо сказать, Болт, надеявшийся на удачу, оказался прав. Прошло немного времени, и в переулке, по которому они медленно ехали, появилось такси. Такси обогнало их и остановилось впереди напротив арки, вписанной в фасад старого трехэтажного дома и ведущей во двор.

Из такси вылезли двое. Один из них был тот, кого они ис-

кали. Да, бывают такие счастливые моменты! Дохлый, увидев Леню, не поверил в свое счастье и протер глаза: нет ли здесь ошибки? Ошибки не было – это был тот самый парень, что угрожал ему гранатой.

– Вот он! – выдохнул Дохлый и, открыв дверцу, рванулся было из машины.

Болт едва успел схватить его за полу куртки и втянул обратно.

– Тю, тю, тю! Какой ты горячий! Так и штаны обмочить недолго. Не суетись, теперь он наш, никуда не денется...

И действительно, дичь попала в силки, остальное теперь было делом техники.

Леня и Алябьев, расплатившись с таксистом, прошли под арку, направляясь к жилому строению в глубине двора.

Выдержав паузу, Болт тронулся с места и, въехав во двор, остановился. Выключил фары, чтобы не привлекать внимание.

Алябьев, на которого снизошло вдохновение, декламировал монолог короля из шекспировской трагедии, обращенный к Гамлету, а Леня восторженно слушал. Так они и шли к подъезду, обняв друг друга за плечи, словно старые друзья.

...То можно ль этим в хмуром возмущении
Тревожить сердце? Это грех пред небом,
Грех пред усопшим, грех пред естеством,
Противный разуму, чье наставленье
Есть смерть отцов, чей вековечный клич

От первого покойника доньне:
«Так должно быть». Тебя мы просим, брось
Бесплодную печаль, о нас помысли
Как об отце, пусть не забудет мир,
Что ты всех ближе к нашему престолу
И я не меньшей щедростью любви,
Чем сына самый нежный из отцов,
Тебя дарю...

Здесь они вошли в подъезд. И звук закрывшейся на пружине двери оборвал монолог.

Болт прислушался.

– Пошли, – сказал он Дохлому и достал из кармана пистолет.

Светила яркая луна. Во дворе было тихо. Весь дом уже спал. И лишь на третьем этаже засветилось окно. Это Леня и его гость вошли в квартиру.

– Проходи, – сказал Леня.

Алябьев заглянул в комнату, но заходить туда не стал. И, перейдя на шепот, словно не хотел будить спящих, предложил:

– Давай кофейку рванем...

– Давай, – согласился Леня. И спросил в свою очередь: – Ты чего шепчешь? Никого же нет. Жена и теща на даче...

Они прошли в кухню. Леня зажег газ, поставил кофейник на плиту. В ожидании, когда закипит вода, оба присели к

столу.

– Хорошо у тебя, тихо... – произнес умиротворенно Алябьев и неожиданно запел от чувств: – «Тополя-а-а, тополя-а-а!..»

– Слушай, Серега! – прервал его Леня, ему хотелось поговорить, узнать что-нибудь новое из жизни актеров. – Ты с Гундаревой знаком? Вот приходилось тебе встречаться с Гундаревой?

– Приходилось, – тряхнул отяжелевшей головой Алябьев. – Я с ней в кино снимался... В эпизоде. Ма-аленький такой эпизодик! – Он сблизил большой и указательный пальцы, словно показывал толщину бутерброда или небольшой книжки. – Его, правда, вырезали потом, но...

– Ух ты! – Леня восторженно смотрел на него. – Ты счастливый человек, Серега! – Близость Алябьева к известным артистам, которые были для Лени почти небожителями, вызвала в нем религиозное восхищение, свойственное провинциалам.

В это время позвонили в дверь.

– Кто это? – удивился Леня. – Танька, что ли, с дачи прирулила? Вряд ли... Это, наверное, Витек, сосед, за бутылкой пришел... Видимо, не хватило. – И устремился в прихожую по узкому коридору.

– Кто там? – поинтересовался он, останавливаясь у двери.

– Вам телеграмма! – ответил мужской голос.

Не чуя подвоха, с блаженной улыбкой на лице Леня от-

крыл замок.

Створка двери тут же резко отлетела в сторону от сильно-го удара, и перед Леней возник незнакомый ему белобрысый малый в тюбетейке. Это был Болт. Пользуясь неожиданно-стью, он ухватил цепкими пальцами Леню за нос и втокнул его в прихожую.

– Не ожидал, сучонок? С кем играть вздумал! Давай бабки, вонючка!

– У-у! – взвыл от боли Леня, но рассудок не потерял. Наоборот, протрезвел мгновенно. – Какие бабки, пусти!

Извернувшись, он пнул обидчика коленом в пах. Болт только охнул, как бы даже удовлетворенно, словно удовольствие с женщиной получал, и больше ничего. Правда, нос Ленин из пальцев выпустил.

Леня метнулся к двери, но тут на пороге появился еще один неожиданный гость, узнав которого он понял, кто эти люди и зачем они пожаловали. Времени для раздумий не было. С ловкостью спортсмена Леня подпрыгнул и, пролетев метра полтора, ткнулся головой в мясистое брюхо Дохлого. Тот не ожидал удара и, не устояв на ногах, вылетел на лестницу.

Леня захлопнул дверь и повернулся к Болту – с одним противником сражаться было проще.

Болт, удивленный прытью хлюпика, погрозил ему пальцем.

– Ты это... смотри у меня!

Пятясь задом, Леня нащупал среди ненужных вещей в

прихожей какой-то предмет – это оказалась старая настольная лампа. Когда Болт приблизился к нему, он ударил его в лоб. От удара лампа развалилась на части, а бандиту хоть бы что! Болт вперил в Леню рачьи глаза и прошипел:

– Отдавай бабки, падла, пока я башку тебе не свернул!..

На шум в прихожей выскочил Алябьев. Увидев, что Леня отбивается от неизвестного типа в тюбетейке, подхватил с пола табуретку и ударил злоумышленника по голове.

Болт только качнулся, и не более того. Словно имел чугунную голову. Он отвернулся от Лени и направил на Алябьева пистолет.

– А ты, значит, второй, – проговорил он хрипло, – и тебя замочу, фраера!..

Леня, получив передышку, схватил шерстяной шарф, висевший на вешалке, набросил его на шею Болту. И повис на нем сзади, пытаясь затянуть шарф потуже.

– Серега, беги! – крикнул он Алябьеву, желая его спасти. – За дверью еще один... Прыгай в окно!

– А ты?! – растерялся тот.

– Беги, беги! – призывал Леня, отчаянно борясь с Болтом.

Алябьев распахнул окно в кухне, посмотрел вниз и подался назад. Прыгать вниз с высоты второго этажа – это, скажем прямо, не вдохновляло!

– Здесь высоко!

– Прыгай, прыгай! Я за тобой!

«А-а, не впервой!» – подумал артист. Вскочил на подокон-

ник и, собравшись с духом, прыгнул вниз – в темноту двора.

Уже приземляясь на газон, услышал над головой звук выстрела, потом еще один, потом сдавленный крик.

Милиционер, которого Алябьев увидел, выбежав к перекрестку, стоял возле патрульной машины и мило болтал с какой-то девицей, положив ей руку на талию. В машине работала рация, и оттуда доносился голос дежурного, сообщавший различную информацию и данные по угону автомобилей. То, что звучало из рации, мало интересовало лейтенанта милиции – разговор с девицей был для него важнее.

– Послушайте! – бросился к нему Алябьев, задыхаясь от бега. – Там... там человека убивают!.. Умоляю, поехали скорее! Это в трех минутах отсюда!..

Милиционер отстранился от девицы, взглянул на Алябьева. Понял, что тот пьян, и отмахнулся, как от назойливой мухи.

– Пить надо меньше! – посоветовал он, недовольный тем, что его отвлекают. – Литруху, поди, усосал или около того... Дуй отсюда, пока я тебя в вырезвитель не загнал! Даю тридцать секунд. Время пошло!

И он отвернулся к девице, давая понять Алябьеву, что разговор окончен.

Алябьев хотел что-то сказать ему, потом махнул рукой от отчаяния и ушел в темноту ночной улицы...

Смерть близкого товарища – серьезное испытание. И горше вдвойне, если он молод. Барханов сильно переживал потерю друга и водкой старался заглушить боль. В майке, спортивных штанах и тапочках на босу ногу сидел он за неприбранным столом в прокуренной комнате ипил рюмку за рюмкой.

– Какого парня погубили, – бормотал он время от времени, то ли себя обвиняя в Лениной смерти, то ли тех, кто в Леню стрелял, и вновь тянулся трясущимися пальцами к бутылке – теперь уже третьей.

Алябьев виновато сидел в стороне на краешке продавленного дивана и молчал. Он был трезв. И страдал от того, что Барханов запил. Леня мертв, и ему уже ничем не поможешь, а вот Барханов... Тот мог допиться до белой горячки!

Алябьев не выдержал, поднялся с дивана и попросил:

– Не пей!

Барханов в хмельном угаре не сразу узнал его.

– Ты чего это здесь? – спросил он.

– Не пей, – повторил Алябьев.

– Езжай домой, – с пьяной строгостью велел Барханов. – Тебе лучше в это дело не влезать... Я сам с ними разберусь...

– Нет уж! – воспротивился Алябьев. – Я останусь с тобой.

– Проваливай!

– Ты же меня на работу взял... телохранителем... Я и аванс уже, можно сказать, потратил... А деньги надо отрабатывать.

Барханов выпил рюмку. Запустил пальцы в тарелку с квашенной капустой, поднес щепоть к носу, понюхал и бросил капусту обратно в тарелку.

– Я тебя увольняю! – заявил он, глядя на Алябьева мутными глазами. – А истраченные деньги – это, считай, твое выходное пособие, понял?

– В таком случае, – не сдавался Алябьев, проявив неожиданную строптивость, – мне еще месяц полагается отработать по закону!

– Дурак! Они и тебя найдут... Они запомнили твою рожу... Ты засветился! Понимаешь ты это или нет?

– Тем более я должен остаться и подумать, как отомстить...

Барханов, толкнув ногой пустые бутылки, зазвеневшие под столом, решительно поднялся.

– Ты же слизняк! – он намеренно пытался оскорбить приятеля. – Тебя же твоя баба из окна выбросила... Брысь отсюда!

Он двинулся к дивану, но, не дойдя до него, рухнул на пол и заснул мертвецким сном.

Алябьев попытался дотащить его до дивана, но не смог. Тогда он принес подушку и одеяло. Сунул подушку спящему под голову, накрыл сверху одеялом...

Барханов будет пить еще несколько дней, но потом все же очухается, отопьется огуречным рассолом и возьмется за ум, горя желанием отомстить за смерть Лени.

Когда Шефу сообщили, что в квартире убитого похищенных денег не оказалось, он пришел в ярость.

– Как нет денег?! Да вы... да я... – он не находил слов.

Шеф ехал в дорогой иномарке с шофером, развалившись на заднем сиденье, и орал в трубку телефона. Рядом испуганно жалась смазливая девица, она впервые видела своего респектабельного спутника таким разъяренным.

– Мы перерыли всю хату и ничего не нашли, – оправдывался на другом конце провода Болт. – Только несколько бумажек...

– А где второй?

– Второй ушел... В окно выпрыгнул, сука!

– О-о! – взвыл Шеф, словно узнал о кончине горячо любимой мамы. – И это – крутые профессионалы!.. Вам только дерьмо в выгребной яме месить! – Он бросил взгляд на свою спутницу: – Извини, ангел мой! – И опять в трубку: – Даю вам две недели сроку! Если за это время не найдете бабки и второго, я вас урою!

Шеф отключил телефон. Несколько мгновений тупо смотрел перед собой и сказал со вздохом:

– Если Калмыков узнает, что меня обули, как пацана, на недельную выручку, собачье дерьмо заставит грызть!..

Пока подручные Шефа занимались поисками сбежавшего Алябьева, Барханов тоже не терял времени даром. Он пони-

мал, чтобы отомстить за смерть Лени, необходимо выследить убийц, а через них выйти на «главного». Для этого ему нужны были помощники. Одного Алябьева было недостаточно. И Барханов решил обратиться к знакомым женщинам. На участии женщин и строился разработанный им план. Не знаем, как там в Англиях или у немцев, но в России ни одно серьезное дело не обходится без дам!

Вечером одна из них явилась к Барханову для переговоров. Она сидела, устроившись в удобном кресле, спиной к двери, и если бы вдруг какой-нибудь случайный посетитель вознамерился заглянуть в комнату, ему бы не удалось увидеть ее лица и определить возраст дамы. Хотя, если судить по голосу и жестам, гостье Барханова было где-то между тридцатью и сорока. Назовем ее пока «женщина», ведь будут еще и другие.

Выслушав предложение Барханова, женщина молчала.

– Ну, что ты на меня смотришь, как негр на балалайку? – Затянувшееся молчание гостьи не нравилось Барханову, а та не спешила с ответом. – Детали я тебе пока объяснить не могу... Скажу только, что крайне нуждаюсь в твоей помощи... Ну? Ты согласна?

Женщина вздохнула:

– Очередная бредовая идея...

– Ну... – замялся Барханов.

Женщина была ему нужна, и он сдерживал себя, стараясь не реагировать на ее язвительное замечание.

– Как живешь? – спросила та. – Лицо мятое... Пьешь, наверное?

– Уже завязал.

Женщина оглядела спартанскую обстановку комнаты, ей здесь явно не нравилось.

– Снимаешь какую-то халупу... Пора уже быть серьезным человеком!

– Хозяйка скоро сделает ремонт, и эта халупа превратится в дворец... – отшутился Барханов. Он приблизился к женщине, взгляделся в ее лицо. – А ты с годами становишься все привлекательней... – Он наклонился к ней с намерением поцеловать ее.

Женщина резко отстранилась.

– А вот этого не надо! Оставь свои штучки, на меня они больше не действуют!

– Жаль! – улыбнулся Барханов. И уже серьезно добавил: – Но помочь ты мне должна... Старых друзей в беде не бросают.

Часом позже перед ним сидела еще одна женщина. Она была моложе первой, раскованней и, судя по всему, отнеслась к Барханову лучше.

Барханов извлек из буфета бутылку коньяка, налил две рюмки, одну придвинул госте.

– Ничего опасного не будет, – объяснил он, продолжая разговор. – От тебя потребуется быть самой собой... Обая-

ние, шарм, легкость в общении... – Он на мгновение задумался. Потом забрал у молодой женщины рюмку, которую минуту назад придвинул ей. – А вот пить, Катрин, тебе не следует! Ты становишься развязной, а этим можно все дело испортить.

– Как скажешь, милый! – промурлыкала Катрин, проводив грустным взглядом рюмку, которую Барханов убрал в буфет. – Что касается твоего предложения... Я согласна на все. Ну, кроме, конечно, пули в живот!

– Нет, нет, уверяю тебя, никаких пуль! – успокоил ее Барханов.

Катрин протянула к нему руки, обвила его шею.

– Есть вещи более приятные, чем пуля, ведь правда? – Одна рука ее опустилась к его ремню на брюках. – Впрочем... – Катрин задумалась. – Ради близкого человека я могла бы подставить себя и под пулю. Хотя нет, это было бы чересчур! Мне нравится жизнь... Я молода, и впереди интересное время... – Она заглянула Барханову в глаза. – Скажи, милый, а ты мог бы пожертвовать своей жизнью ради меня?

– Не знаю, – честно признался Барханов, думая о чем-то своем.

– О-о! – испустила вздох разочарования Катрин и капризно поджала губки. – Выходит, я тебе совсем безразлична...

– Что ты, что ты! – спохватился Барханов. – Ну хочешь, я ради тебя на рельсы лягу? Под поезд!

– Под поезд не надо... Давай лучше ляжем вместе, и в

другое место, – лукаво промурлыкала Катрин, заглядывая в смежную комнату, где стояла широкая тахта.

Барханов украдкой посмотрел на часы и согласился:
– Как скажешь, дорогая...

А еще через час, выпроводив Катрин, Барханов беседовал с третьей женщиной, усадив ее предварительно в то же кресло.

Женщина была немолода, по возрасту ближе к первой, со следами былой красоты. Она часто вздыхала и, заметно волнуясь, стискивала пальцы лежащих на коленях рук.

– Я никогда не принимала участия в таких... сомнительных затеях, – призналась она, выслушав предложение Барханова. – Я боюсь... Мне бы не хотелось оказаться в тюрьме.

– Ах, Ольга Петровна, какая тюрьма! О чем вы?! – возбудился Барханов. – Я с государством в азартные игры не играю. И потом, кто сегодня сидит в тюрьме? Насильники и маньяки! Остальные – гуляют на свободе... А это – дело чистое! Если хотите – остроумный розыгрыш, не более того. И деньги хорошие. Валюта! Вы сможете помочь больному брату, его прооперируют в заграничной клинике...

– Вы и о брате знаете, – печально вздохнула женщина.

Барханов оставил ее замечание без внимания и продолжал:

– От вас требуется одно – ваш талант. Вы же прозябаете в своем «очаге культуры». Вас в вашем театре не ценят! Вы

должны играть только главные роли! Я, лишь увидел вас на сцене, сразу понял: вы – чудо!

– Олег, вы просто демон-искуситель! – вздохнула кокетливо Ольга Петровна. И коротко хохотнула: – Форменный Мефистофель!

– Вы мне льстите, – сказал Барханов, довольный, что дело сдвинулось с мертвой точки и гостья готова дать согласие. И обольстительно (а он умел это делать как никто другой) улыбнулся: – Мефистофель, скажете тоже! Если верить литературным источникам, Мефистофель был крупнее и ростом повыше... Ну, и мозги, соответственно, не моим чета! Итак, вы согласны?

– Не знаю... – Ольга Петровна боролась сама с собой – слишком заманчивым было предложение Барханова.

На выставке Алмазного фонда в Кремле, где рядовые граждане имеют возможность ознакомиться с некоторыми сокровищами, которыми владеет государство, было по-музейному тихо.

Сотрудники службы охраны со строгими лицами запускали в зал одну, максимум две группы экскурсантов, придирчиво оглядывая каждого и бдительно следя за тем, чтобы никто из посетителей не задерживался у витрин с экспонатами дольше положенного времени.

В одной из групп, толпившихся в зале, находился Алябьев. Артист изменил прическу, был гладко выбрит, глаза

скрывали дымчатые очки. Лицо его выражало несвойственную ему прежде решимость. Он рассеянно слушал женщину-экскурсовода и с интересом разглядывал лежащие в витринах драгоценные вещи, принадлежавшие когда-то царскому дому Романовых, сделанные в восемнадцатом и девятнадцатом веках лучшими ювелирами Европы.

За толстыми пуленепробиваемыми стеклами светились россыпью бриллиантовых искр изумительные по красоте броши, серьги, кольцо, заколки для волос, радовавшие в свое время не одно женское сердце из царской семьи... Здесь же сверкали украшенные драгоценными камнями ордена, принадлежавшие монархам и известным русским полководцам.

Алябьева заинтересовал эгрет, особого рода заколка-украшение для волос или платья, сделанная в виде фонтана из драгоценных камней, как он выяснил впоследствии у экскурсовода, в конце восемнадцатого века. Вещь буквально притягивала глаз, до того она была прекрасна. Струи воды, сделанные из бриллиантов, заканчивались большими синими сапфирами в виде крупных капель. Это было блестящее по композиции и технике выполнения ювелирное изделие.

Алябьев засмотрелся на эгрет и простоял у витрины дольше положенного, что вызвало немедленную реакцию сотрудника охраны.

– Проходите, гражданин, не задерживайтесь, – решительно посоветовал тот...

Следующие несколько дней Алябьев провел в книжных

магазинах, отыскивая издания, посвященные коллекции Алмазного фонда. Наконец ему удалось найти толстую солидную монографию, включавшую в себя множество цветных иллюстраций, и, в частности, во всей своей красе там был представлен и интересовавший его эгрет...

Пока Алябьев, по неизвестной нам до срока причине, изучал выставку Алмазного фонда и ходил по книжным магазинам, его лицо, сделанное с помощью фоторобота, тиражировалось на принтере компьютера. И происходило это не в стенах спецлаборатории Московского угрозыска, а в помещении фирмы, обслуживавшей Шефа и ему подобных.

Это раньше, милые сограждане, преступные элементы работали по-кустарному, испытывая многочисленные трудности. Им противостояла мощная государственная машина, правоохранные органы которой не сидели сложа руки, да и рядовые горожане не боялись вступать в борьбу с нарушителями закона. Сегодня, увы, ситуация другая. К услугам «джентльменов удачи» самая современная техника, порою лучше той, что имеется в наличии у государственных служб, новейшие автомобили западных марок, оставляющие далеко позади милицейские «черепашки». Да и отдельные представители правоохранных органов не стесняются за определенную мзду вступать с преступниками в деловые отношения и оказывать им необходимые услуги. Опять же, рядовые обыватели нынче не столь резвы, как раньше, и не рвутся на

защиту справедливости. Кому хочется получить пулю у себя в подъезде?

Сегодня у преступников есть все. Даже фоторобот, с помощью которого и размножалось лицо Алябьева...

Писатель и Болт прибыли в условленное место на встречу с «агентом». Припарковались у тротуара в нескольких метрах от стоявшей там милицейской легковушки.

В легковушке, поглядывая через приспущенное наполовину стекло, скучал майор милиции с загорелым лицом римского легионера. Это и был тот самый «агент».

Болт остался в машине, а Писатель вылез наружу и, озираясь по сторонам, направился к милицейской легковушке. При этом он громко возмущался, умело, надо сказать, изображая человека, который заблудился и не может найти нужную ему улицу.

– Слышь, командир! – обратился он подчеркнуто громко к майору. – Не подскажешь, где здесь улица Цурюпы? Полчаса крутимся – ни один кент не знает!

Майор соображал несколько мгновений и сказал:

– Садись в машину, объясню...

Писатель сел в милицейскую машину. Устроившись на переднем кресле рядом с майором, извлек из нагрудного кармана пакет, бросил его на колени милиционеру.

Майор открыл пакет, вынул оттуда несколько фотоснимков, развернул их веером. Некоторое время молча разглядывал.

вал художавое лицо Алябьева. Фоторобот довольно точно передавал его черты.

– Ладно, – заключил майор, – запущу этого парня по нашей цепочке как подозреваемого в крупной краже. Где-нибудь да выплывет, если только внешность не изменил... Ждите звонка.

Писатель понимающе кивнул и, считая разговор исчерпанным, вылез из машины.

– Спасибо, командир! – поблагодарил он. – Теперь вырлим... – И вновь заворчал нарочито громко: – Вот, блин, настрогают идиотских названий – хрен найдешь... Цурюпа! Кто такой Цурюпа? Тоже мне, спаситель человечества!

Была пятница. Во дворе большого кирпичного дома, одного из тех, где до перестройки селили номенклатуру, среди припаркованных у газона иномарок стояли светлые «Жигули». В машине находились Барханов и Алябьев. Они караулили Дохлого. Тот обычно приезжал в этот дом по пятницам, к одному из своих «клиентов», платившему дань.

Время шло, а Дохлый не появлялся. Сидеть в машине надоело, хотелось выйти наружу, размяться, но приходилось сдерживать себя. Тот, кого они ждали, мог появиться в любой момент.

– Бутерброд хочешь? – зевнув, предложил Барханов. – Или чайку глотнуть?

– Давай чаю, – согласился Алябьев.

Барханов потянулся к заднему сиденью, взял оттуда сумку. Вынул из нее термос, налил чай в пластмассовый стаканчик.

Алябьев отхлебнул из стаканчика.

– А ты, оказывается, хозяйственный мужик.

– А ты меня за дауна держал? – усмехнулся Барханов. – Вообще-то ты прав, я – даун... А это так, – он закрыл термос, – забота о ближнем. Телохранителя надо содержать и обхаживать, как скаковую лошадь! Чтобы в нужный момент не подвел!

– Это правильно, – согласился Алябьев. – Обхаживай... Можешь еще молоко за вредность давать. А лучше коньяк!

Барханов усмехнулся.

– Наглеешь, парниша? Это неплохо.

Помолчали.

– Может, зря сидим? – спросил Алябьев. – Сдается мне, он теперь сюда не придет...

– Придет, куда он денется! Каждую пятницу за бабками приходил, а теперь, видите ли, не придет!

– Ну, придет другой, которого мы не знаем в лицо...

– Девушка, не суетитесь под клиентом! Ты же артист, должен знать человеческую психологию. Придет, и именно он придет. Из принципа!

Алябьев, шевельнувшись, поменял позу. Увидев во дворе мальчика лет семи, промчавшегося на велосипеде, задумался, вспомнил о своем сыне.

– Как там мой Андрюшка...

Барханов поморщился.

– Ой, только не надо, не надо об этом! В порядке твой Андрюшка, ничего с ним не сделается... Ты еще бабу свою – «гуманистку» – вспомни, которая тебя из окна выбросила!

– Никто меня не выбрасывал, – обиделся Алябьев, – я сам...

– Ну и дурак, что сам, я тебе уже говорил. Человек для жизни создан, а не для того, чтобы в окошко нырять! Тебе надо любовницу завести. А лучше – двух! Тогда у тебя кураж появится... Есть у меня на примете клевая телка... Моцартом кличут! Ой, баба! Профессор в этом деле! Тебя потом от нее за уши не оттащишь!

– И... и... – Алябьев неожиданно стал заикаться.

– Ты чего? – ухмыльнулся Барханов. – Уже возбудился?

– Амбал этот идет! – выдохнул Алябьев.

Барханов посмотрел, куда указывал артист. И увидел Дохлого, идущего к подъезду. За разговором приятели не заметили, как его джип въехал во двор и припарковался в стороне.

И что самое интересное – Барханов сразу обратил на это внимание – кейс на этот раз был пристегнут к руке Дохлого наручниками: если и вырвут, то только с кистью!

– Ну, что я говорил! – оживился Барханов. – А ты сомневался. Обрати внимание на руку: кейс пристегнут наручниками... Боится, сука! Теперь от нас, скотина, не уйдет. Он

и на главного нас выведет... А уж того мы причешем, как папу Карло!

Дохлый пробыл в доме недолго, вскоре вышел из подъезда. Прошел к джипу. Уселся внутрь. Отстегнул наручники с кейсом, взялся за руль.

Барханов дождался, когда он выедет со двора, и поехал следом, стараясь держаться на расстоянии.

Шеф в сопровождении трех телохранителей, каждый из которых занимал по ходу движения строго определенное место, покинув кабинет директора банка, прошел по широкому коридору мимо множества дверей и вышел в операционный зал.

После разговора с директором банка, который сообщил несколько приятных новостей и, в частности, рассказал об успешном переводе денег Шефа через подставную фирму в один из швейцарских банков, настроение Шефа заметно улучшилось. В последнее время оно, надо сказать, было неважным, и причиной этому была пропажа денег, увиденных обманным путем у Дохлого. Особенно возмущала Шефа дерзость похитителей, посмевавшихся тягаться с его командой.

Не задерживаясь в операционном зале, Шеф направился к выходу. Пребывая в своих мыслях, он неожиданно столкнулся с молодой привлекательной женщиной, вышедшей навстречу. При столкновении с ним женщина выронила сумочку, содержимое которой оказалось на полу.

Один из телохранителей, тот, что зазевался и допустил контакт своего подопечного с посторонней, тут же вцепился в локоть женщины и хотел ее оттолкнуть, но Шеф сделал ему знак: не трогать! – и громила сдержал свой порыв.

– Какой вы неловкий! – воскликнула женщина, укоризненно посмотрев на Шефа.

Это была Катрин, хорошо одетая, источающая аромат дорогих заграничных духов.

Шеф оценил ее взглядом, и лицо его мгновенно подобрело.

– Прошу прощения! – галантно произнес он, отметив про себя красоту незнакомки и ее хорошие манеры.

– И скажите вашему боксеру... или кто он у вас, чтобы отпустил мой локоть! – с капризными нотками в голосе заявила Катрин. – Мне больно. Я не привыкла, чтобы меня так хватали...

– Конечно, конечно! – согласился Шеф, принимая ее упрек.

Он взглянул на телохранителя, еле заметно дернув щекой, и тот, привыкший к такому немому языку, тут же выпустил хрупкий локоть Катрин из своих крепких пальцев.

– Боже, что с моей косметикой! – поджала губы Катрин, опускаясь на корточки. – Такие вещи нельзя ронять... Это же Франция, а не Мытищи!

Шеф с легкостью юноши тоже опустился на корточки, желая помочь собрать содержимое сумочки, оказавшееся на

полу.

– Не печальтесь, это дело поправимое... – Он уже поплыл под взглядом прелестной незнакомки. – Мы купим вам все новое, лучших фирм... если вы согласитесь поужинать со мной.

Вернув разлетевшиеся мелочи обратно в сумочку, оба поднялись на ноги. Как по команде, вместе с ними поднялись вверх и все три телохранителя, присевшие вслед за Шефом.

Катрин испытующе посмотрела на Шефа.

– Извините, я с незнакомыми мужчинами не ужинаю! – заявила она с достоинством особы королевской крови. И добавила, чтобы тот не настаивал: – Нет, нет, и не просите!

Шеф благосклонно улыбнулся.

– Если говорить о «незнакомых», вы правильно рассуждаете... Но мы-то с вами уже познакомились. Так распорядилась судьба. А судьбе следует доверять, – проворковал он многозначительно. – Судьба знает, что делает...

Расставшись с Шефом, уже сидя в своей машине, Катрин вынула мобильник и набрала номер Барханова, ждавшего от нее известий.

– Он клюнул, – сообщила она. – Попросил номер моего телефона, но я не дала...

Шеф действительно клюнул, и это была удача. Барханов понимал, что действовать следует крайне осмотрительно, чтобы добыча не сорвалась с крючка. Шеф был человеком

искушенным и не доверял даже собственной маме. Любой неосторожный шаг мог погубить всю затею.

Для второй якобы «случайной» встречи заговорщики избрали открытие выставки именитого художника, которую Шеф должен был посетить как один из спонсоров. Следует отметить, что Шеф не был лишен художественных пристрастий и, случалось, давал деньги на искусство, поощряя новые неожиданные направления.

В день открытия в зале выставки толпилась уйма всякого народу. Здесь были друзья художника, родственники, его многочисленные подруги, начальство, журналисты, любители скандальных зрелищ. А выставка действительно была скандальной. На всех полотнах во всей красе были представлены женские зады – рыхлые, круглые, будто сдобные булочки, или похожие на взбитые подушки неохватных размеров... Натурщицы на полотнах, все без исключения, располагались к зрителю спиной, беззастенчиво выставляя напоказ мягкую часть своего тела. В глазах буквально рябило от голых женских задов. Мало того, в одном углу зала, неподалеку от служебного входа, неподвижно стояла обнаженная дама, живая, во плоти, демонстрируя посетителям свой большой, подрагивающий, как желе, зад. И все это сопровождалось звуками музыки. В центре зала за роялем сидел болезненного вида человек в смокинге и играл итальянские песенки типа «О, соле мио!» И что примечательно, люди, толпившиеся у полотен, с умным видом обсуждали не только качество живо-

писи, но и восхищались новаторством художника.

Сам же автор полотен, немолодой, коренастый, борода-тый, красный от возбуждения, стоял в окружении коллег и вдохновенно объяснял, что его подвигло на подобное.

— Я вдруг почувствовал, что все во мне взрывается какой-то резкой чувственностью! — восклицал художник, теребя бородку. — Я ощутил, что из меня идет нечто необычайное... указанное мне свыше! И я не стал, друзья мои, себя обуздывать!.. Не посмел!

Слова художника, его несколько шаманский вид вызвали улыбку у Катрин, ходившую по залу и озадаченную увиденным. Катрин ждала появления Шефа и все время посматривала по сторонам.

Шеф появился неожиданно, войдя в зал со служебного входа. Три телохранителя, как обычно, следовали за ним. Оказавшись в зале, Шеф первым делом наткнулся взглядом на даму, стоявшую в чем мать родила в качестве живого экспоната, и на миг оторопел, не готовый к столь новаторскому зрелищу. Справившись со своими эмоциями, Шеф двинулся в центр зала к художнику, но не удержался и оглянулся назад на голую особу, желая убедиться в том, что это ему не привиделось. «Занятно!» — ухмыльнулся он, и тут попал в объятия каких-то важных людей, ожидавших его. Последовали рукопожатия, приветственные фразы... Шеф барственно кивал, слушая, что ему говорят... и вдруг увидел Катрин, стоявшую возле одной из картин со скрещенными на груди руками.

Извинившись перед собеседником, которого он прервал на полуслове, Шеф устремился к прелестной незнакомке.

– Бог мой! Какая встреча! – воскликнул он.

– А, это вы... – сдержанно кивнула Катрин.

– Когда же я смогу вручить вам, дорогая моя, обещанный набор косметики?

Катрин улыбнулась.

– Ну, что вы, право... Стоит ли беспокоиться?

– Может, мы все-таки поужинаем вместе? – предложил Шеф, проявляя настойчивость.

Телохранители, наблюдавшие за происходящим, хмуро пялились на Катрин, не понимая, чего она выпендривается.

– Может быть... – пообещала Катрин, не выказывая особого воодушевления. – Только в каком-нибудь приличном месте, где много публики... а то я вас, мужчин, знаю. И никаких отдельных кабинетов!

Долгожданный ужин состоялся в ресторане гостиницы «Метрополь».

Шеф и Катрин сидели друг напротив друга за столиком, сервированным на двоих. Рядом прозрачно шелестел фонтан, в чаше которого лениво плавали красные рыбки и шевелились водоросли. Поодаль, на эстраде, сидела молодая женщина и играла на арфе. Мелодичные звуки арфы придавали беседе, которую вели Шеф и его гостья, оттенок изысканности и своеобразия.

Телохранители Шефа молчаливо восседали с двух сторон за соседними столиками, зорко следя за тем, что происходит в полупустом зале.

Близость телохранителей смущала Катрин. Ей не нравилось, что каждое ее слово, обращенное к собеседнику, слышат и эти трое.

– А без этих... нельзя? – не выдержав, спросила она.

– Увы, нет, – с долей печали произнес Шеф. – Эти ребята пекутся о моем здоровье...

Катрин наивно вскинула брови:

– Вы чем-то больны?

– Пока нет, – успокоил ее Шеф. – Но всякое бывает.

– Ну хорошо, раз это необходимо, – с милой капризностью согласилась Катрин. – Только скажите этому мордастому, пусть хотя бы не смотрит мне в рот... Он что, не ел двое суток? Закажите ему в таком случае какую-нибудь отбивную или тарелку борща!

– Вы правы, он слишком откровенно разглядывает вас, – согласился млеющий от обаяния молодой женщины Шеф. И, скорчив гримасу, дал понять тому, о ком шла речь, чтобы не пялился на Катрин столь откровенно.

Телохранитель послушно повернулся к хозяину и его даме вполоборота. Чтобы не привлекать к себе внимание.

– Мне бы хотелось, чтобы мы стали друзьями, – промурлыкал Шеф, пожирая Катрин глазами.

– Это зависит от вас... – кокетливо ответила та.

– Давайте выпьем, – Шеф наполнил бокалы шампанским. – Это французское, семьдесят второго года... – похвастался он.

– Не знаю... – борясь с искушением, сказала Катрин, помня наставления Барханова. – Разве что глоток...

– Почему только глоток?

– Мне нельзя пить.

– Да что вы! – воскликнул Шеф, думая, что это обычная женская отговорка. – Немного вина женщине не повредит... Для тонуса. Рекомендую! – Чувствовалось, что Шеф большой мастер по части ухаживания за женщинами.

Катрин снова вздохнула.

– Стоит мне немного выпить, – пояснила она, – и все мужчины становятся мне ненавистны... Тут же хочется домой, чтобы не видеть ни одной мужской физиономии. Это как кошмар!

Слова Катрин смутили Шефа. Он даже на миг растерялся: стоит ли в таком случае уговаривать ее выпить?

Пока Шеф решал эту непростую задачу, в дверях ресторана появились трое посетителей. Это были Барханов, Алябьев и одна из тех женщин, с кем Барханов вел переговоры, призывая ему помочь. Миловидная, сдержанная, с загадочным выражением Маты Хари на лице. Так и будем называть ее впредь – Мата Хари.

Переговорив с метрдотелем, все трое направились в середину зала, где был зарезервирован столик. Путь их лежал ми-

мо столика Шефа и Катрин. Поравнявшись с ними, Барханов замедлил шаг и разыграл целый спектакль, словно встретил женщину, с которой не виделся долгое время.

– Катрин! – воскликнул он. И кивнул своим спутникам: – Идите, я вас догоню...

Телохранители Шефа тут же вскочили на ноги, готовые завалить, если потребуется, Барханова на пол.

– Олег! – без особой радости отозвалась Катрин. И барственно бросила телохранителям: – Оставьте его, это мой знакомый!

– Как поживаешь? – продолжал лицедействовать Барханов.

– Прекрасно, – ответила Катрин. – Извини, я не одна... Познакомьтесь... – И представила мужчин друг другу: – Борис Сергеевич... Олег Барханов...

Шеф неприязненно взглянул на знакомого Катрин и сухо кивнул ему. Появление этого человека показалось ему подозрительным, и он нахохлился, точно воробей.

Барханов ответил таким же сдержанным кивком. И сказав: «Не буду вам мешать...» – удалился.

Когда он ушел к своему столику, Шеф взглянул на Катрин.

– Кто такой? – Глаза его смотрели холодно и жестко, от бывшего благодушия не осталось и следа.

У Катрин все внутри оборвалось.

– А вы ревнивый... – невинно улыбнулась она, желая

снять напряжение.

– Что за тип? – настойчиво повторил Шеф.

– Был когда-то моим женихом...

– И что же помешало счастливому супружеству?

– Это неинтересно, – вздохнула Катрин, всем своим видом показывая, что ей неприятно говорить на эту тему.

– И все-таки? – требовал ответа Шеф, пронизывая ее взглядом.

– Видите ли, Борис Сергеевич...

– Зовите меня просто – Борис...

– Хорошо. Так вот, Борис, все было чудесно до той поры, пока Олег не стал заниматься грязными махинациями и участвовать во всяких аферах... А я, признаюсь, не очень-то люблю нечистых на руку людей. Я хочу спать спокойно и жить спокойно, и желаю, чтобы мой избранник был рядом, а не сидел в тюрьме!

– Похвальное желание! – согласился Шеф, удовлетворенный откровенностью собеседницы.

– Окажись он в тюрьме, – продолжала Катрин с видом невинной школьницы, – я не смогла бы его бросить и пошла бы за ним... На край света! В Сибирь! Как жены декабристов! Но я не хочу в Сибирь, не хочу быть «декабристкой»! Так зачем, скажите мне, в таком случае жить с аферистом?

– Вы прелесть! – расплылся Шеф в улыбке, умиленный ее глупыми рассуждениями. – Как говорил один замечательный артист: чаровница! – Но Бархановым заинтересовался,

на что и был расчет. – Чем же конкретно занимался ваш друг?

– Разным... – пожала плечами Катрин. – Переправлял на Запад драгоценности, антиквариат, картины из частных коллекций... Все в таком духе. Он мало об этом рассказывал...

– И ни разу не влип?

– Как видите. У него хорошие мозги... Я слышала, он и сейчас затевает какую-то крупную аферу... Послушайте, а что мы все о нем да о нем? – Катрин капризно поджала губы. – Он мне не интересен. Поговорим о другом... О вас, к примеру... Кто вы? Чем занимаетесь? Хотите, я угадаю... Судя по вашему виду, деньги у вас есть...

– Есть, – кивнул Шеф.

– Но не очень большие... – продолжала фантазировать Катрин. – Вы похожи на чиновника немногим выше средней руки... Может быть, начальник отдела в министерстве или что-то в этом роде... Угадала?

Шеф расхохотался, хотя, следует признать, был уязвлен тем, что Катрин приняла его за чиновника среднего ранга.

– Не угадали! – заявил он. – Я бизнесмен. У меня свое дело. И деньги у меня большие... – похвастался он, потакая своей слабости.

– О, я вас недооценила! – оживилась Катрин. – Тем лучше, милый! Можно мне вас так называть?

– Конечно, – кивнул Шеф.

– Но это еще ничего не значит! – спохватилась Катрин. –

Деньги для меня не главное!

Шеф добродушно усмехнулся.

– Вот как?

– Да, да! – продолжала щебетать Катрин, умиляя Шефа все больше и больше. – Я, конечно, испытываю в них потребность, как и каждый нормальный человек... Но душу свою я за деньги не продаю, так и знайте! – И она потыкала в сторону Шефа розовым пальчиком. – Можете спросить об этом у моего бывшего жениха...

А в это время за столиком, где сидели Барханов, Алябьев и Мата Хари, происходил следующий разговор.

– О нет! – воскликнул Алябьев, посмотрев меню и цены, и отодвинул карточку от себя подальше. – Я буду только кофе!

– Не валяй дурака! – остановил его Барханов. – Надо заказать хорошую еду. Мы не можем сидеть и только пить кофе. Надо произвести впечатление.

– У меня кусок в горло не полезет при таких ломовых ценах! – заметил Алябьев. – Как подумаю, что сотни людей не имеют куска хлеба, а тут... – Он умолк, не договорив.

– Гуманист! – поморщился Барханов. – С тобой капитализма не построишь! Ладно, сиди голодный... А вы, мадам, что скажете насчет отбивной или шашлычка из осетрины?

– Нет, нет, у меня диета, – тоже отказалась Мата Хари. – Только кофе. Ну, может быть, апельсиновый сок...

Алябьев посмотрел туда, где сидели Катрин и ее собеседник, и сказал, понизив голос:

– Интересно, о чем они говорят? – Следует отметить, Алябьеву нравилась его новая роль – роль искателя приключений.

– Думаю, они говорят о сексе... – высказал предположение Барханов, изучая меню. – У этого тритона одна мысль: как побыстрее затащить нашу киску в койку!

– Судишь по себе? – сказала Мата Хари, прикуривая от зажигалки.

– Не думай, ты меня ты обидишь, – поднял на нее глаза Барханов. – Любовь к женщине – самое прекрасное, что есть в природе!

– В твоих устах это звучит как пошлость! – усмехнулась Мата Хари.

Было очевидно, что за этой пикировкой скрывается нечто серьезное из области отношений Барханова и Маты Харри в прошлом, но Алябьев, как человек непосвященный, не понимал сути.

– А ты не боишься, – спросила Мата Хари, повернувшись к Барханову, – что я сдам тебя этому мафиознику с потрохами?.. Вот возьму и расскажу ему обо всем, что вы задумали.

Алябьев от неожиданности оторопел.

– Зачем же так? Лучше сразу отказаться от участия в этом деле, чем предавать...

– Мадам шуткует, – пояснил невозмутимый Барханов. – Это у нее такой специфический юмор... Она этого не сделает, потому что у нее есть принципы.

– А вдруг сделаю?

– Ну хватит, – занервничал Барханов, – хватит ваньку валять! Нашла место и время!

Писатель дежурил на явочной квартире, был вроде диспетчера. В его обязанности входило держать руку на пульсе всех операций, которые проводили люди Шефа, отвечать на звонки и информировать хозяина о происходящем.

Сегодня дежурство протекало спокойно и нервных звонков не было. Коротая время, Писатель засел у компьютера и, преисполненный вдохновения, вновь сочинял вирши. Поставив точку, он выдернул лист бумаги из принтера.

– Эй, Болт, иди сюда!

Болт, сидевший с банкой пива в компании дежурных охранников у телевизора, тут же поднялся и поспешил на зов Писателя.

– Послушай... – сказал Писатель. И взлохматив пятерней чуб цвета выгоревшей соломы, начал читать свое сочинение:

Жму на педаль, в кармане ствол,
Летим с Болтом мы на прикол!
Погони боевой момент,
А на хвосте – настырный мент.
Не дрогнет крепкая рука,
Разя ментяру-мудака!

Стихи произвели на Болта сильное впечатление.

– Ну как? – спросил Писатель.

– Душевно! – воскликнул Болт. – Реализм! Как в жизни!

Писатель, удовлетворенный, зарделся. Болт хотел еще что-то сказать, но тут зазвонил телефон.

Писатель схватил трубку.

– Это я... – ответил он. – Так, понял... Сделаем. – И что-то записал на бумажке.

Завершив разговор, Писатель повернулся к Болту.

– Есть дело... Слетай в театр вот по этому адресу... – он протянул ему бумажку. – Получена информация, что там есть артист, очень похожий на того, кого мы ищем...

Болт козырнул по-военному и удалился.

Явившись в театр и выпив в буфете коньяку, Болт неспешно прохаживался в фойе в толпе зрителей, пришедших на спектакль. Внимание его привлекли портреты артистов, висевшие на стенах, на которые поначалу он не обратил внимания.

Взгляд его задержался на портрете молодой популярной актрисы, которая обжигала своей призывной улыбкой. «Ты мой!» – говорили ее глаза всякому, кто смотрел на портрет. Болт даже плечами передернул, представив театральную диву в своих объятиях. Нехотя двинулся дальше, не сразу вспомнив причину, по которой явился сюда.

И тут он увидел портрет Алябьева. Алябьев на портрете был гладкий, спокойный, благополучный и мало походил на

того, кого он упустил в тот роковой вечер в квартире.

Для верности Болт извлек из кармана портрет, сделанный с помощью фоторобота, сравнил его с фотографией артиста. Сходство было несомненным.

Зина, орудуя половником, возилась на кухне у плиты. Услышав в прихожей звонок, пошла туда. Открыв дверь, она увидела перед собой двух незнакомых мужиков несколько странного вида. Это были Болт и Дохлый.

– Здесь проживает Алябьев... Сергей Викторович? – строго спросил Болт, предварительно глянув в бумажку, где были указаны данные артиста.

– Ну, – подтвердила Зина.

Другая бы испугалась двух громил, но только не Зина.

– Где он?

– А хрен его знает! Сама хотела бы знать...

– Вы что, в разводе?

– Еще чего! – возмутилась Зина, вглядываясь в лица нежданных гостей. Надо сказать, они ей сразу не понравились, особенно тот, у кого на голове была дурацкая тубетейка. – Вы из театра? – спросила она неприязненно.

– Из театра, из театра... – поспешно подтвердили оба. – Так где он? Нам поговорить с ним надо...

– Он исчез... Недели две уже прошло. Как сквозь землю провалился! Мы были с ним в комнате, – вспоминала Зина, – разговаривали... Я гладила белье... Повернулась, а его нет –

испарился, фокусник хренов! Пьет, наверное, где-нибудь, с такими же бездельниками, как он!

– Она врёт! – сказал Дохлый.

– Кто врёт? Я?!

Болт толкнул Зину в грудь, вошел в прихожую. Дохлый последовал за ним.

Но Зина была бы не Зиной, если бы спасовала перед наглыми незнакомцами. Она схватила с полки в коридоре баллон автомобильного огнетушителя и направила рожок бандитам в лица.

– Стоять! Здесь в баллоне кислота! Еще шаг, и я ошпарю ваши гнусные рожи!

Ее угроза и нестандартные действия возымели успех.

– Тихо, тихо! – Оба мужика попятились к выходу. Умыться кислотой им не хотелось. – Мы пошутили! – сказал Болт, прикрывая на всякий случай лицо ладонью.

– Шутить со своей бабой будешь, шутник хренов! – строго заявила Зина, понимая, что одержала верх. – А теперь рассказывайте, зачем вам нужен мой муж?!

– Он нам бабки должен! – сказал Болт, опасливо глядя на нее.

– И много бабок?

– Много!

– Хм, – задумалась Зина. – Куда же он их дел, гад! – И вдруг засмеялась в лицо незнакомцам: – Не надо было давать. Лопухи! Он же нищий, а кто нищим деньги в долг да-

ет?..

На столе перед Шефом лежало несколько больших цветных фотографий с изображением того самого эгрета из Алмазного фонда, которым интересовался Алябьев. Шеф внимательно разглядывал уникальное ювелирное изделие, включавшее в себя множество бриллиантов и несколько крупных синих сапфиров. Общий вид, вид сбоку, укрупнение отдельных деталей... Эгрет впечатлял, ничего не скажешь!

Дело происходило в офисе Шефа, в его кабинете, обставленном с немалой роскошью. В обсуждении сделки, о которой речь пойдет ниже, кроме Шефа, принимали участие трое верных его помощников. На переговоры был допущен и Писатель, который обычно выполнял лишь диспетчерские функции. В обсуждении такой крупной сделки Писатель участвовал впервые. Он был взволнован от оказанного ему доверия и, возбужденный происходящим, нервно сосал леденцы.

Напротив Шефа в удобных креслах из кожи сидели (вы не поверите!) Барханов, Алябьев и Мата Хари. Серьезные, торжественно-деловые, словно присутствовали на вручении правительственных наград. Причиной появления наших героев в офисе Шефа явилось следующее. Узнав от Катрин о талантах Барханова, о его умении прокручивать прибыльные дела, Шеф изъявил желание познакомиться с толковым ма-

лым поближе, а тот сразу предложил ему сделку.

– Вещь интересная, – констатировал Шеф, закончив изучение фотографий.

– Еще бы! – согласился с ним Барханов. – Восемнадцатый век, из наследия царской семьи. А Романовы, скажу я вам, шлак держать не будут, Романовы – народ серьезный!

– Наши условия таковы, – включилась в разговор Мата Хари, постукивая пальцами в тонкой перчатке по женской сумочке, лежавшей у нее на коленях, – мы отдаем вам эгрет, а вы нам – триста тысяч «зелеными». Оплата наличными. Вещь стоит больше миллиона! Это надежное помещение капитала. На Западе эту вещь у вас с руками оторвут.

Шеф молчал, разглядывая Мату Хари и ее спутников. Молчали и его люди.

– Вы ничем не рискуете, – добавил Барханов. – Рисуем только мы, когда будем извлекать эгрет из экспозиции Алмазного фонда...

– Значит, вы собираетесь подменить оригинал копией и думаете, что этого никто не заметит? – спросил Шеф, взвешивая про себя все «за» и «против».

– Ну, во-первых, копию делает один из лучших ювелиров, – пояснила Мата Хари, – во-вторых, экспонаты, находящиеся в витринах, эксперты проверяют не так часто, и пока обнаружится подделка, столько воды утечет...

– Черт, жмет меня что-то, жмет!.. – качнул головой Шеф. И фарисейски добавил: – Вокруг столько нечестных людей!

– Борис Сергеевич, а мы и вправду ничем не рискуем, – заговорил один из его помощников, худощавый, в позолоченных очках, смахивающий на ученого. – Если эти ребята завалятся, то мы здесь ни при чем!

– Тогда какая у них выгода? – продолжал мучиться в сомнениях Шеф. – Объясните мне.

Дать ответ попытался Писатель – ему не терпелось проявить себя, – но Шеф бросил на него колющий взгляд, и тот умолк, чуть не подавившись при этом леденцом.

– Наша выгода в том, – принялся объяснять Барханов, – что мы берем наличными, и – никакой головной боли! Остальное – ваша забота.

– Может быть, может быть... – Шеф прищурил глаза и вдруг спросил, обращаясь к своим: – Ребята, а нет ли здесь крючка?

Наступила долгая пауза, во время которой подручные Шефа прокручивали про себя различные варианты.

– Если здесь есть крючок, – не выдержал Писатель и сжал кулак, – мы им... мы им...

– Не гони пену! – оборвал его человек в позолоченных очках.

И Писатель умолк.

– Ну, знаете! – оскорбился Барханов. – Вы нас пригласили, мы пришли. Мы никому не навязываемся! Вам нужно вкладывать бабки в надежное дело – так давайте! Если не хотите, у нас есть другие партнеры, и такие, что имеют связи в пра-

вительственных кругах... – И кинул своим: – Пошли отсюда!

Мата Хари и скорбный Алябьев, молчавший все это время, встали и проследовали за Бархановым к выходу.

Шеф, насупившись, смотрел им в спины.

– Подождите! – не выдержал он. – Я подумаю...

Барханов с облегчением перевел дух. Повернулся к Шефу и, скрывая радость, сказал:

– Только смотрите, чтобы процесс этот не затянулся... Вспомните, что говорил великий Ломоносов: есть предложение, есть и спрос! Ариведерчи!

Все трое вышли за дверь.

– Надо подумать... – задумчиво произнес Шеф. – В конце концов, что нам мешает заполучить эту «игрушку», а этому типу ничего не платить?.. – Он лукаво посмотрел на своих помощников. Выскользнул из кресла и возбужденно заходил по кабинету. – Надо обработать его подручных. Эту серьезную дамочку, например! По-моему, она очень хочет трахаться, как ты думаешь, Писатель?

Писатель, счастливый оттого, что на него обратили внимание, вытянулся по стойке «смирно», словно на плацу перед генералом.

– Шеф, ради вас я готов это сделать даже с акулой!

– Надо привлечь ее в наши ряды, – остановил его жестом Шеф, продолжая размышлять. – Мне кажется, она деловая бабенка!.. А может, проще обработать второго? Того, что молчал... Этакий Иисусик! Пять кусков «зеленых» ему в зу-

бы, и он наш!

– Не думаю, шеф, – сказал человек в позолоченных очках. – Он очень смахивает на фанатика. Такого за бабки не купишь!

– Кстати, о бабках! – Шеф резко остановился и бросил взгляд на Писателя: – Вы нашли их?

– Ищем, – потупился Писатель.

Шеф взял его за подбородок и сказал с металлом в голосе:

– Даю еще неделю... Если не найдете, через неделю Дохлый и ты можете навсегда распрощаться со своими яйцами!..

И все же, что ни говорите, а Алябьева тянуло домой. Меньше всего ему хотелось видеть сварливую жену – он заранее знал все, что она скажет при встрече, – но сына, Андриюшку, повидать хотелось.

И однажды, когда Зина была на работе, а с ребенком сидела ее мать, Алябьев решил провести сына.

Он подошел к дому и вошел в знакомый до боли подъезд. В руке он держал пластиковую сумку, где были гостинцы для сына и три бутылочки фанты.

Поднимаясь по лестнице к лифту, он услышал, как сзади хлопнула входная дверь и кто-то осторожно вошел следом. Поначалу Алябьев не придавал этому значения – мало ли, кто там! Дом большой, жильцов много. Но услышав металлический щелчок, отчетливо прозвучавший в тишине, – так снимают с предохранителя оружие, – задержался у открытой

двери лифта...

Глянув через плечо, он увидел человека с пистолетом в руке, поднимавшегося по лестнице, лицо которого показалось ему знакомым.

По счастью, кабина лифта была перед ним. Алябьев нырнул в кабину, нажал кнопку, и дверь за ним закрылась. И пока лифт уносил его вверх, на пятый этаж, мучительно сообщал, что предпринять дальше. Ясно было одно: идти домой нельзя. Нельзя рисковать жизнью ребенка и бабушки.

Выйдя на своем этаже, Алябьев не пошел к себе, а спустился на этаж ниже и, затаившись у перил, стал ждать.

Кабина лифта ушла вниз и вскоре поднялась на пятый этаж. Из нее, беззвучно ступая по-кошачьи, с пистолетом в руке, с привинченным к дулу глушителем, вышел Болт. На голове его была неизменная тюбетейка.

Он подошел к дверям Алябьевской квартиры и прислушался. Затем спустился на площадку между этажами и стал ждать.

Алябьев, наблюдавший за ним его из своего укрытия, понял, что человеку с пистолетом нужен именно он. Выход был один – немедленно скрыться. Стараясь идти беззвучно, артист двинулся по ступеням вниз. Он почти отошел на безопасное расстояние, но неожиданно на повороте задел сумкой за металлические прутья, поддерживающие перила. От прикосновения громко звякнули бутылки с фантой, находившиеся в сумке.

Болт отреагировал мгновенно. Обернулся на звук и, не раздумывая, выстрелил три раза через прутья перил вниз.

Посыпалась сбитая со стены штукатурка.

Алябьев сорвался с места и помчался вниз. Сзади он слышал грохот ботинок преследователя...

Узнав о том, что Алябьев ходил домой и там напоролся на засаду, Барханов пришел в ярость.

– Ты что, рехнулся? Какого черта туда поперся?! – кричал он. – К Зинкиным сиськам потянуло?.. Кретин! Ромео сраный!

– Я хотел повидать Андрюшку, – оправдывался артист. – Имею я на это право или нет?

– Имеешь, имеешь! – выкрикнул Барханов. – И пулю в лоб тоже имеешь право получить!.. Ну, сказал бы мне, я бы доставил твоего Андрюшку на блюдечке – без проблем!.. А так – ты мог лишиться своей глупой головы...

– Но я же сбежал от него! – похвастался по-мальчишески Алябьев.

– До сих пор не могу поверить, как тебе это удалось...

– Обижаешь! Я же артист, у меня специальная подготовка! Если хочешь знать, я в одном фильме сам конные трюки делал!

– Представляю! – ухмыльнулся Барханов. – Интересно, где теперь та лошадь? Наверное, на кладбище...

– Очень остроумно!

– Ты кто?.. – вновь возбудился Барханов. – Ты телохранитель! Понял? Я доверил тебе свою талантливейшую жизнь! Так береги меня и себя заодно.

Разговор был прерван звонком в дверь. Барханов вышел в прихожую и вернулся с Катрин. Молодая женщина была ослепительно хороша, на лице – обворожительная улыбка, глаза сияют... Комната наполнилась запахом дорогих духов.

– Все готово, – сказала Катрин, целуя Барханова.

Потом они немного о чем-то пошептались, Катрин поморщилась, но затем покорно кивнула в знак согласия. И Барханов ушел в кухню.

Алябьев смотрел в окно, привлеченный видом детей, игравших на детской площадке.

Катрин закурила, медленно подошла к нему.

– Что нового в мире искусства?

– В каком смысле? – удивился артист столь странному вопросу. – Если ты про театральную жизнь, не знаю. Потому как три недели торчу здесь с вами...

Подойдя со спины, Катрин обняла его за плечи. Алябьев с удивлением воззрился на нее. И вдруг неожиданная мысль пришла ему в голову.

– Скажи, тебя об этом попросил Олег? – спросил он.

Катрин кивнула.

– Что он сказал?

– Что у тебя сексуальный напруг и тебе нужна женщина... Что ты из-за этого даже к какой-то идиотской Зинке попер-

ся... – нехотя призналась женщина. – Скажу честно, ты не в моем вкусе, но... если попросит Олег, если нужно для дела...

– Ты и твой Олег – психи! – возмутился Алябьев и выскочил из комнаты.

Барханова он нашел на кухне. Тот, заварив чай, делал бутерброды, собираясь перекусить, пока артист и Катрин будут ворковать в комнате.

– Ты что, приятель, совсем?! – набросился на него Алябьев.

– Совсем! – невозмутимо согласился Барханов.

– Я с этим сам как-нибудь разберусь!

– Давно пора.

И тут неожиданно позвонили от Шефа. Барханов давно ждал этого звонка. Он приложил палец к губам, предлагая Алябьеву помолчать.

Шеф сам взял трубку.

– Я обдумал ваше предложение, – проворковал он бархатым голосом, – и решил его принять...

Барханов чуть не подпрыгнул на месте. И сказал в трубку весело:

– Вы сделали правильный выбор, маэстро!

Тем временем Писатель и первый помощник Шефа, человек в позолоченных очках, смахивающий на интеллектуала, сидели в кафе гостиницы «Интурист» и вели светскую беседу с Матой Хари, пытаясь перевербовать ее.

– Ах, оставьте! – сказала она Писателю, смотревшему на нее с улыбкой сердцееда. – Вы купить меня хотите? Не выйдет! У вас денег не хватит... – И, взяв со стола сумочку, встала.

– Может, все-таки договоримся. – Писатель поднялся вслед за нею, томно заглянул женщине в глаза, рассчитывая на свое обаяние.

– Нет, – последовал решительный ответ.

Вечером, удрученный неудачей, Писатель рассказывал Шефу о разговоре в кафе.

– Шеф, эта баба ничего не хочет. Просто – ни в какую! Я и так, и эдак, только еще на голове не стоял! Либо кремень... либо дура!

Шеф слушал его с мрачной гримасой на лице. Он не любил, когда члены его команды не справлялись с заданием. Тут же в разговоре переходил на «вы», независимо оттого, кто перед ним сидел – образованный утонченный человек или отпетый уголовник. Это было плохим знаком. И когда он обратился к Писателю на «вы», тот втянул голову в плечи.

– Вы слишком прямолинейны, мой друг, слишком прямолинейны, чтобы покорять серьезных женщин! – Шеф выскользнул из кресла и приблизился к Писателю, смотревшему на него преданными собачьими глазами. – Тут одной извилины недостаточно... Вот плюнуть кому-нибудь в лицо или отбить почку – это вы умеете. А там, где тонкость нужна... Ну, ничего, опыт приходит с годами...

Мата Хари сидела в парикмахерской. Разбитная девица, трудившаяся над ее прической, заканчивала работу.

Девицу отозвали, и когда она вскоре вернулась, то сказала негромко своей клиентке:

– Пройдите в соседний зал, там вас ждут...

Мата Хари удивленно взглянула на нее и, не сказав ни слова, перешла в маленький зальчик по соседству, где обычно женщины, сидя в креслах, сушили после мытья головы волосы.

Там ее ожидал Шеф, решивший сам провести вербовку. Его телохранители стояли у выхода. Мата Хари под села к Шефу, как пришедшая на исповедь к священнику добропорядочная прихожанка.

– Мы – умные люди и должны договориться... – заговорил вполголоса Шеф, давая понять, что считает Мату Хари равной себе. – Сколько вам дает ваш компаньон? Пятьдесят? Восемьдесят тысяч баксов? Я вам дам сто пятьдесят тысяч, и вы поможете мне получить «игрушку» напрямую. Выигрываете вы, и выигрываю я.

Слушая Шефа, Мата Хари внимательно разглядывала его – как он одет, какие у него часы, рубашка, галстук, как он выбрит и причесан... И когда тот закончил свой монолог, сказала без всякого выражения:

– Вы думаете, что меня так просто купить? Ошибаетесь. Ваши люди уже пытались это сделать.

– Я знаю: не просто, – согласился Шеф. – И потом это не «покупка», а «вербовка». Купить можно путану, бутылку виски, батон колбасы, щенка, а вербуют или *перевербовывают* классного агента! Знаете, у меня твердое ощущение, что мы найдем общий язык. Сто пятьдесят тысяч баксов – серьезные деньги. Кроме того, мы сделаем вам заграничный паспорт с шенгенской визой, и вы сможете уехать в одну из европейских стран, и будете жить там припеваючи.

– Не знаю... – задумалась Мата Хари. – Признаюсь, мне с детства ненавистны всякого рода предатели...

– Ну, ну, ну! – замахал руками Шеф и рассмеялся. – Какое к черту предательство? Мы же не на фронте! Вы умная женщина... Это как в футболе. Просто игрок переходит из одной команды в другую. К примеру, Марадона из «Наполи» переходит в «Барселону», и у нас нечто в этом роде...

Мата Хари улыбнулась.

– А вы – занятный тип, Борис Сергеевич... Если бы не эгрет, как бы вы поступили со мной, не сумев договориться? Пришили бы, наверно, где-нибудь в темном переулке...

– Ну что вы! – оскорбился Шеф. – Мы же цивилизованные люди. Я не мясник какой-нибудь! Если хотите знать, у меня при виде крови – в голове мутится... а вы говорите: в темном переулке! А женщин, наоборот, я всю жизнь оберегал... Я уверен, мы должны работать вместе.

Шеф сидел у себя в спальне на широкой кровати, в наброшенном на плечи махровом халате, и, умиротворенный по-

сле любовного акта, потягивал белое вино из стакана.

В стороне одевалась Катрин, легкая, гибкая, прекрасная в своей наготе.

– Зачем ты связался с Олегом? – спросила она и капризно поджала губки. – Я же тебе говорила, что он аферист! Ты такой приличный человек... Президент компании... Не понимаю, что у вас может быть общего?

– Ты драматизируешь, дорогая! – блаженно потянулся Шеф и, когда Катрин, надев лифчик, проходила мимо, чмокнул ее в живот.

– Я жалею, что вас познакомила, – продолжала разыгрывать огорчение молодая женщина. – Он втянет тебя в какую-нибудь аферу...

– Обязательно втянет, – согласился Шеф.

– Обманет...

– Обманет.

– А я буду виновата!

– Будешь виновата... – кивнул Шеф. – Кто виноват? Ты виновата? Ну, что ты, моя маленькая... – просюсюкал он, разговаривая с Катрин, точно с ребенком, уверенный в своей хитрости. – Не волнуйся! Твоей вины ни в чем нет... Что же касается этого парня... Неужели ты думаешь, что какой-то сундук может меня облапошить?

Операция шла своим ходом. Действовали согласно разработанному плану. Нельзя было упустить ни одной детали.

Барханов, вооружившись армейским биноклем, сидел у окна на третьем этаже в доме, расположенном напротив резиденции Шефа, и наблюдал за тем, что происходило внутри. Алябьев находился рядом, смотрел на улицу, на передвижение людей у парадного входа в резиденцию.

Из дверей вместе с Шефом вышли несколько человек. Среди них выделялся лысый немолодой мужчина среднего роста, одетый в дорогой костюм, с манерами человека, знающего себе цену. Шеф лично сопровождал его до машины, завершая деловой разговор.

Увидев эту картину в бинокль, Барханов оживился.

– Посмотри... – он протянул бинокль Алябьеву. – Видишь этого мужика в дорогом костюме? Важный тип! Это Чулков – эксперт по ювелирным изделиям. Приятель Шефа, ему он доверяет как себе... Запомни его. Проследи за ним. Узнай, где его офис и все прочее... Машина в твоём распоряжении...

Алябьев несколько мгновений разглядывал Чулкова. Увидев, что тот попрощался с Шефом и сел в машину, отдал бинокль Барханову. Побежал на улицу – к машине Барханова.

Настало время еще одной помощнице Барханова выйти на сцену.

Приодевшись, Ольга Петровна отправилась на встречу. Надо сказать, волновалась она не меньше, чем в день премьеры в театре.

Единственным зрителем, перед которым ей предстояло сыграть роль, являлся Юрий Иванович Чулков, эксперт по драгоценным камням и ювелирным изделиям.

Теперь у нас есть возможность вместе с Ольгой Петровной рассмотреть Юрия Ивановича поближе. Это был худощавый лысый мужчина лет пятидесяти, деловой, аккуратный, с пальцами хирурга, с гладким лицом и пронзительным взглядом, в котором сквозило постоянное недоверие к собеседнику, словно он привык иметь дело с людьми, желающими его надуть.

Чулков встретил Ольгу Петровну на пороге своей лаборатории, облаченный в белый халат и тонкие резиновые перчатки. Он только что провел химический анализ одного из минералов.

– Вы ко мне? – спросил он.

– К вам, – волнуясь, ответила женщина, – если вы – Чулков Юрий Иванович?..

– Я похож на него? – с долей юмора поинтересовался Чулков.

– Наверное...

– Значит, ко мне... – Чулков предложил Ольге Петровне войти. Сам же вернулся к микроскопу, заглянул в него, что-то черкнул на бумажке. Поднял глаза на посетительницу: – Что же вы стоите? Присаживайтесь... – И когда та села, сказал: – Я вас слушаю.

Ольга Петровна нервничала, стискивала пальцы, не зная,

с чего начать.

– Ну, смелее, – приободрил ее Чулков.

– Видите ли, – решила Ольга Петровна, – я актриса...

– Очень приятно, – кивнул Чулков.

– Работаю в театре...

– В театре... – опять кивнул хозяин лаборатории.

И вдруг неожиданно подпрыгнул и отбил чечетку, чем привел в замешательство гостью.

– На Бронной... – пролепетала та.

– Не в эстраде?

– Нет.

– Очень хорошо. Итак, слушаю вас... – Он шагнул к письменному столу, листанул какой-то справочник.

Ольга Петровна открыла свою сумочку, извлекла оттуда пачку бумажек.

– Вот мои документы... Паспорт, пропуск в театр...

Чулков с непонимающим видом взглянул на нее.

– Вот премьерные программки спектаклей, где моя фамилия...

– К сожалению, я далек от театра... Чем все же могу быть полезен?

Ольга Петровна хотела встать, но Чулков остановил ее жестом:

– Вы сидите!

– Юрий Иванович, мне рекомендовали вас как одного из лучших специалистов в своей области... А дело вот в чем...

Мне предложили роль в кино женщины вашей профессии...

– Поздравляю вас! – изрек Чулков.

Ольга Петровна не поняла, то ли он ерничает, то ли действительно рад за нее.

– Мне просто необходима ваша помощь! – взмолилась она.

– В чем она должна заключаться?

– Мне нужно, чтобы вы посвятили меня в некоторые детали своего ремесла.

– Моего ремесла? – просьба удивила Чулкова, и глаза его недоверчиво блеснули под стеклами очков.

– Миленький Юрий Иванович, для меня эта роль – вопрос жизни!

– И смерти! – патетически добавил Чулков, явно насмехаясь над посетительницей.

И та с жаром продолжала:

– В наше тяжелое время, когда артисты нищают и не у всех есть спонсор, способный облегчить жизнь, найти работу не так-то просто. И вопрос о куске хлеба встает с необычайной остротой! И это не метафора...

– Не метафора, – согласился Чулков. И глубокомысленно добавил: – Это гипербола, к сожалению!

Подобные слова привели Ольгу Петровну в замешательство, и она уже стала подумывать о провале своей миссии. Но тут Чулков неожиданно смягчился. Его холодные глаза подобрели, и он сказал:

– Не волнуйтесь, уважаемая! Мы не позволим умереть вам от голода... И если я что-то могу для вас сделать, я готов.

Ровно в назначенное время Алябьев явился на встречу, которую ему назначили люди Шефа.

Первый помощник и Писатель не утруждали себя разнообразием и пригласили Алябьева в то же кафе в гостинице «Интурист», где они пытались завербовать Мату Хари.

Поговорили о футболе, о политике, о том, что хорошо отдыхать в Турции... Когда выпили по рюмке хорошего коньяка, Писатель изложил суть дела.

– Старичок! – Он по-отечески взглянул на Алябьева. Ловко прикурил от своей фирменной зажигалки, играть с которой ему доставляло удовольствие, и продолжил: – Подумай над нашим предложением. Получишь хорошую «зелень», а баксы – они всегда в цене!.. У вас что? – самостоятельность! Два притопа, три прихлопа! А у нас слаженная боевая команда! Мы, если потребуется, любого министра можем убрать... Да что министра!.. – Писатель недоговорил. – А какие заграникомандировки! Лондон, Париж! – Его опять понесло. – Начинаются интересные дела, открылось столько возможностей! Вот за что я люблю демократию – она открывает большие возможности!

– Мужики! – прервал красноречие Писателя Алябьев. – Вы меня с кем-то перепутали... Я не продаюсь... Неужели я похож на такую мразь? – Он встал, подошел к зеркальной

стене и внимательно посмотрел на свое отражение. – Нет, не похож!

– А ты не спеши, – бросил ему первый помощник Шефа, – ты подумай...

Мата Хари позвонила в дверь. Ей открыл седой благообразный человек. Это был ювелир.

– Я вас жду, – сказал он. – Все готово...

Мата Хари прошла вслед за хозяином квартиры в его рабочую комнату.

Ювелир открыл дверцу стенного шкафа, достал оттуда аккуратный черный футляр и положил его перед гостьей на полированную поверхность стола.

Женщина открыла крышку футляра, и перед ее восхищенным взором предстало подлинное чудо – эгрет в виде фонтана из коллекции Алмазного фонда, точнее его копия, выполненная с необычайным мастерством. Бриллиантовые струи сверкали, искрились, горели, отражая свет, а внизу, замыкая композицию, темнели несколько синих сапфиров.

– Ну как? – спросил ювелир, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Вы гений! – воскликнула Мата Хари. – Честное слово!

– Вы не поверите, мне самому было интересно создать иллюзию – без применения дорогостоящих камней... – сказал мастер, гордо вскинув седую голову. – А теперь посмотрите вот это...

Он вытащил из-за спины и положил перед гостьей еще один точно такой же футляр. Открыл крышку. И опять в глазах женщины, обычно невозмутимой, отразилось восхищение...

На явочной квартире был полный сбор. В большом зале, среди музейной мебели и дорогих картин старых мастеров, выстроившись в линейку, перед Шефом стояли навытяжку около десятка человек, в цивильном и камуфляжной форме.

Шеф был в хорошем настроении и, прохаживаясь перед строем, рассуждал вслух.

– Ребята! Одного из помощников этого шустрого прохиндея (имелся в виду Барханов) нам удалось завербовать. Кто это – серьезная дамочка или Иисусик – знаем только мы... – Шеф указал пальцем на своего первого помощника. – Так надежнее. Скажу одно: этот человек сообщил нам важную деталь. Они сделали две копии эгрета. Две! Одну подложат в Алмазный фонд, а вторую попытаются всучить нам как оригинал. Как вам это нравится?

Тишину зала взорвали возмущенные крики. Благородный гнев переполнял «джентльменов удачи».

– Правильно, – согласился Шеф и поднял руку, требуя тишины.

Все тут же замолчали.

– Но эти недоумки заблуждаются! – продолжал Шеф. – Они думают, что обуют нас, а на самом деле – мы обуем их!

И опять крики, на этот раз выражающие одобрение Шефу, наполнили зал.

Довольный собой, Шеф вскинул вверх руку в приветствии, наподобие фюрера. И прошел к ожидавшей его секретарше, молодой привлекательной женщине.

— Тихо, тихо! — воскликнул Писатель, призывая членов команды к тишине. И обратился к Шефу, пока тот не ушел: — Шеф! Новые стихи! Для вас!

Шеф, остановившийся на полпути, благосклонно кивнул. Писатель поднес к глазам блокнот и с чувством продекламировал:

Друзья! Я восхищаюсь вами!
И пусть не считают нас козлами!
А тот, кто надумает Шефа обуть,
Пулю получит в жоп... —

Писатель запнулся, бросив взгляд на секретаршу, и на ходу поменял текст:

... в горячую грудь!

Братва дружно заплодировала. А Шеф не поленился — таланты надо поощрять! — подошел к Писателю и ласково, как преданную собаку, потрепал его по щеке.

На презентации, устроенной одной из крупных компаний по поводу собственного пятилетия, в круговерти чер-

ных смокингов и вечерних туалетов дам, среди жующих лиц с тарелками в руках, встретились Шеф и Барханов. Звенели вилки, в зале стоял оживленный говор гостей, Шеф и Барханов поприветствовали друг друга, чокнулись бокалами с вином, которые были у них в руках, и обменялись им одним понятными фразами.

– Как себя чувствует наш «больной»? – поинтересовался Шеф.

– Операция назначена на следующую пятницу, – сообщил Барханов. – В этот день в «приемном покое» будет дежурить наш человек. И надеемся, замена одного «органа» на другой пройдет безболезненно...

– Ну что ж, – кивнул Шеф удовлетворенно, – как говорится: ни пуха ни пера!

– К черту, маэстро, к черту! – отмахнулся Барханов и, кивнув на прощание, стал пробираться к выходу.

Налюбовавшись в очередной раз двумя эгретами, сделанными на заказ, Барханов, удовлетворенный, закрыл оба футляра и возбужденно взглянул на своих компаньонов. Мата Хари курила, Алябьев пребывал в своих мыслях.

– Итак, – Барханов потер руки, – детали мы обсудили. Каждый знает свою задачу... – Рассеянный вид Алябьева привел его в раздражение. – Тебе что-то не ясно?

Алябьев вздрогнул, вернувшись из своих мыслей, и как-то странно поежился, словно ему было неуютно под взглядом

Барханова.

– Да нет, все ясно...

– Слушай, – поморщился Барханов, – хочу тебя попросить: можешь ты хотя бы три дня не думать ни о чем постороннем? Только о деле!

– Я об этом и думаю.

– О чем «об этом»?

– О том, чтобы не облажаться...

– То-то, – подобрел Барханов. – Это публика серьезная, и любой наш промах может закончиться пулей в живот...

– Не цепляйся к нему, – вступилась за Алябьева Мата Хари. – Мне кажется, он готов...

Барханов взял со стола чашку с холодным кофе, отхлебнул из нее и спросил у Маты Хари:

– А вы, мадам, не боитесь?

Та пожала плечами.

– Не знаю...

– Я вот все время собираюсь тебя спросить, – продолжал Барханов, – зачем тебе это? У меня с этим типом свои счеты... А ты? Почему ты согласилась на это опасное дело?

– Уж, конечно, не из-за тебя... – усмехнулась Мата Хари и притушила сигарету.

– Я серьезно...

Женщина ответила не сразу, словно решала, стоит быть откровенной с Бархановым или нет. Почесала пальцем переносицу.

– Жизнь проиграна... – буднично пояснила она. – Ничего не получилась... Муж умер... Ребенка нет и заводить уже поздно... Идеалы разрушены... Я хочу доказать себе, что еще на что-то способна. По крайней мере противостоять злу – это единственное, что я еще могу... У меня такое чувство, словно я прыгаю с парашютом и не знаю, раскроется он или нет...

В день операции, точно в определенное время, Барханов, смешавшись с толпой, прошел через контроль в зал, где располагалась экспозиция коллекции Алмазного фонда.

Делая вид, что слушает экскурсовода, Барханов украдкой оглядывал помещение.

– А сейчас я приглашаю вас в соседний зал, где мы познакомимся с исторической коллекцией! – сказала женщина-экскурсовод и направилась в другой зал.

Это был тот зал, где в витрине, среди прочих экспонатов, сиял в электрическом свете знакомый нам эгрет. Барханов, побывавший здесь пару раз для знакомства с обстановкой, сразу увидел его. Сердце его учащенно забилося.

Завершив рассказ о драгоценных изделиях, принадлежавших разным поколениям царской семьи, женщина-экскурсовод предложила посетителям несколько минут свободно походить по залу и более внимательно осмотреть экспонаты на витринах.

Пришедшие на экскурсию смотрели, восхищались... Шу-

тили по поводу «неплохой жизни», которая была у русских самодержцев и вельмож.

– Вот бы все это свистнуть! – озорно шепнул мальчишка лет десяти, ходивший в сопровождении матери. И тут же получил подзатыльник:

– Что ты болтаешь? Не позорь мать, идиот!..

Барханов с непроницаемым лицом задержался у витрины, где находился эгрет. Мысленно сравнил его с копиями, которые рассматривал накануне. И лишний раз убедился, что копии сделаны великолепно.

Он дождался, пока последние посетители (в том числе и мальчик с мамой) пошли на выход, и обратился к одному из трех охранников, дежуривших в помещении:

– Скажите, где находится ваше начальство?..

Из Алмазного фонда Барханов направился на встречу с Шефом, который ждал его в машине в условленном месте. Это был ответственный момент. Садясь с кейсом в машину, Барханов чувствовал себя наподобие Штирлица, оказавшегося в одной машине с Мартином Борманом. Теперь его жизнь была в руках Шефа.

В просторном салоне иномарки кроме шефа находились двое – первый помощник и один из телохранителей. Остальные телохранители ехали следом в «мерседесе».

– Игрушка с вами? – спросил Шеф.

– Со мной. – И Барханов выбил пальцами победную дробь

на крышке кейса, который держал на коленях.

Шеф бросил взгляд на кейс.

– Ну, что ж, едем к эксперту, чтобы удостовериться, что это не фуфло, которое вы можете нам подсунуть, – сказал он.

– А он надежный? – в свою очередь поинтересовался Барханов.

– Надежней не бывает. Очень знающий человек.

Пока Шеф и Барханов, простаивая в автомобильных пробках, ехали к Чулкову, эксперт, сидя за своим рабочим столом, объяснялся с кем-то по телефону. Он нервничал – так некстати было то, о чем его просили.

– Неужели это так срочно?.. Нет, нет... Как вы не понимаете, ко мне должны приехать люди! Я их жду, я обещал! – Собеседник на другом конце провода был настойчив и, видимо, привел веские доводы. – Ну, хорошо, если только на полчаса! Но не более того! Хорошо, я приеду, – согласился Чулков и с недовольной гримасой на лице записал на бумажке адрес, по которому его ждали.

Быстро стал собираться – снял халат, надел пиджак, нашел в кармане ключи от машины.

Здесь же в лаборатории, за другим столом, находилась Ольга Петровна, пришедшая к Чулкову осваивать ювелирное дело «для роли». Перед ней на столе были разложены инструменты для обработки драгметаллов, образцы дорогих камней. На лбу женщины была лупа, крепившаяся на ремеш-

ке.

– Юрий Иванович! – воскликнула она, увидев, что Чулков стал собираться. – Я вам так благодарна за помощь! Теперь я, думаю, смогу достоверно сыграть предложенную мне роль...

– Да, да, сможете, – согласился с ней Чулков, но сейчас ему было не до нее. Он думал о том, как ему успеть обернуться и не опоздать к предстоящему визиту Шефа.

– Что-нибудь случилось? – спросила Ольга Петровна, заметив, что он нервничает.

– Да, случилось! Меня вызывает к себе следователь МУРа по фамилии Колесникова... Требуется, чтобы я срочно приехал... Иначе у них сорвется какая-то важная операция... Им, видите ли, нужен специалист моего профиля... Черт, как это все не вовремя!

– Ну ладно, тогда я пойду, – сказала Ольга Петровна. Она сняла лупу со лба, халат, но уходить не спешила. – Может, вам нужна помощь?

– Помощь? – Чулков задержал на женщине внимательный взгляд. – Да, да, помощь! Вы не могли бы меня выручить и побыть здесь некоторое время?

– Конечно, о чем речь!

– Если придет мой клиент, а меня еще не будет, скажите, пусть меня подождет... Я уехал на час.

– Хорошо.

– Ну, вот и отлично! – обрадовался Чулков, глядя в простодушное лицо женщины. – Я вам доверяю!

И скрылся за дверью.

Машина Шефа, распугивая прохожих, лихо въехала на тротуар и остановилась у дома, где находился офис Чулкова. Телохранители из второй машины, припарковавшейся сзади, выскочили наружу и, убедившись, что все вокруг спокойно, открыли дверцу Шефу.

Шеф вылез из машины, и вся группа, включая Барханова и первого помощника, направилась к подъезду. Миновав охранника на входе, который почтительно согнулся перед Шефом, прошли по коридорам и всей командой вкатились в лабораторию Чулкова.

Барханов нервничал от возможной встречи с Чулковым, если того вдруг не удалось устранить. Увидев в помещении одну Ольгу Петровну, сразу успокоился. Зато Шеф, не обнаружив на месте Чулкова, недовольно вскинул брови.

– А где Чулков? – спросил он.

Ольга Петровна, что-то разглядывавшая в лупу, подняла на него глаза.

– Он уехал...

– Как уехал?

– По срочному делу... Его вызвали в МУР. – Ольга Петровна выдержала паузу, недовольная тем, что ее оторвали от важного занятия, и сухо спросила: – А вы, собственно, по какому вопросу?

Рассерженный Шеф пропустил вопрос женщины мимо

ушей и спросил в свою очередь:

– Давно уехал?

– Не очень...

– Долго его не будет?

– Не знаю. Вероятно, долго.

– Как же так? Мы же с ним договорились! – Шеф недовольно крутанулся на месте. Потом резко опустил на стул. – Будем ждать! Садитесь! – предложил он Барханову.

– Если только недолго, – ответил тот, присаживаясь на соседний стул. – Долго я ждать не могу.

А Чулков тем временем сидел в кабинете, куда его пригласили, и в течение часа отбивался от Маты Хари, представшей перед ним в образе следователя Колесниковой. Он часто поглядывал на часы, неоднократно порывался встать, и только врожденная любознательность, не раз спасавшая эксперта от беды, не позволила ему бросить занозистую бабенку и уйти восвояси.

А время шло. В лаборатории Чулкова публика томила в ожидании. Шеф нервничал, много курил.

– Все! – поднялся со стула Барханов. – Прошу прощения, маэстро, но больше ждать я не могу. У меня через три часа самолет на Ригу.

– Бросьте! – Шеф жестом велел ему вернуться на свое место. – Брать вашу «игрушку» без оценки специалиста может

только кретин. Да еще платить наличными!

– Хорошо, – согласился Барханов, – поехали к другому специалисту. У меня есть знакомый ювелир...

Шеф рассмеялся.

– Ребята, я похож на идиота? – обратился он к своим подручным.

– Нет, – отозвался первый помощник. – На идиота похож он... – И указал на Барханова.

Некоторое время сидели молча. Потом Шеф поднялся, прошелся по кабинету. Встал у Ольги Петровны за спиной. Заглянул через ее плечо, пытаясь понять, чем она занимается.

– А вы, уважаемая, кто будете?

Ольга Петровна повернулась к нему лицом.

– Я эксперт, помощник Юрия Ивановича...

Шеф размышлял несколько мгновений и спросил:

– Вам можно доверить серьезное дело?

– Смотря что... – замялась Ольга Петровна.

Женщина вызывала симпатию, и Шеф решил довериться ей.

– Вы можете посмотреть ювелирное изделие и определить – настоящее оно или фальшивка?

– Это я могу, – ответила строгая Ольга Петровна.

– Покажите, пожалуйста, – обратился Шеф к Барханову.

Барханов изобразил, что ему не по душе решение Шефа.

– А вы уверены, что мы можем доверять этой женщине? –

спросил он.

– Уверен, раз она работает с Чулковым! – заявил Шеф.

Барханов с недовольным лицом открыл кейс и извлек оттуда черный футляр. Раскрыл его и положил перед Ольгой Петровной на стол.

Тем временем Алябьев явился на явочную квартиру, где люди Шефа должны были заплатить ему оговоренную сумму за эгрет. Медлительный охранник с пистолетом под мышкой, дежуривший на входе, проводил гостя к Писателю.

Увидев Алябьева, Писатель пришел в недоумение.

– Гоните бабки! – потребовал артист.

– А где эта... ваша дамочка? – спросил Писатель. – Мы же договорились, что за бабками придет она...

Алябьев невозмутимо взглянул на собеседника.

– Так получилось... Мой «хозяин» срочно отправил ее по другому делу. В конце концов, какая разница, кто заберет деньги.

Писатель ничего не сказал, лишь переглянулся со своими товарищами. Ушел в соседнюю комнату и принес оттуда черный кейс.

Алябьев открыл кейс. Пересчитал пачки долларов, проверяя каждую – нет ли там «куклы». Закончив проверку наличности, сказал:

– Здесь половина. А где остальные?

Писатель, которому не нравился Алябьев и его независи-

мое поведение, замялся.

– Я передаю то, что меня просили передать...

И взяв конфету из вазочки, сунул ее в рот.

– Ничего не знаю, давайте остальные! – потребовал Алябьев, удивляясь собственной смелости.

Он открыл спортивную сумку, с которой явился за деньгами, достал портативную машинку для проверки подлинности долларов. Взял на выбор несколько купюр, проверил их. Фальшивых не было.

Писатель остолбенел от наглости артиста.

Закончив изучение эгрета, Ольга Петровна сдвинула лупу на лоб.

– Да, вещь подлинная, – сказала она. И добавила восхищенно: – Удивительное произведение! Если мне не изменяет память, эта вещь из коллекции Алмазного...

– Не продолжайте! – прервал ее Шеф. – Остальное вас не касается... – И потянулся к эгрету рукой.

Барханов перехватил футляр.

– Спокойно, Борис Сергеевич! Сначала тугрики...

И убрал футляр обратно в кейс.

Бросив на него взгляд, полный презрения, Шеф возбужденно прошелся по комнате. Протянул руку в сторону помощника. Тот мгновенно подскочил к нему и сунул в ладонь трубку телефона. Шеф набрал номер.

– Алло? Кто это? Это ты, Писатель?.. Она пришла?

– Нет, – ответил Писатель. – Пришел этот... Иисусик!

– Почему? – нахмурился Шеф. И устремил на Барханова подозрительный взгляд. – Почему за «зелеными» пришел другой? Мы так не договаривались... Где твоя дамочка?

– Она мне потребовалась для работы в Оружейной палате, – невозмутимо ответил Барханов.

Шеф сверлил его глазами, в которых сквозило недоверие.

– И потом, какая разница, кому деньги передать? – Барханов в свою очередь посмотрел на Шефа с подозрением – уж не кроется ли тут какая-то уловка?

Шеф почувствовал это и пошел на попятную.

– Это верно, – согласился он. – Разницы никакой... – И спросил в трубку: – «Зеленые» ему отдали? – Услышав ответ, повернулся к Барханову: – Отдали.

Барханов протянул руку к трубке.

– Пусть он мне сам об этом скажет...

После короткого раздумья Шеф отдал ему трубку.

На явочной квартире в это время картина была уже иной. Алябьев сидел, прижатый к спинке стула людьми Шефа, и в затылок его упиралось дуло пистолета.

– На, твой хочет поговорить с тобой... – сказал Писатель артисту и, прикрыв трубку ладонью, прошептал: – Не вздумай крутить, сука! Сразу мозги вышибем!

Алябьев взял трубку.

– Слушаю.

– Это ты? – спросил Барханов.

– Я.

– Как дела?

– Нормально...

Писатель удовлетворенно кивнул.

– Тугрики у тебя? – спросил Барханов.

– Да, бабки у меня... – спокойно ответил Алябьев после того, как ему ткнули пистолет в щеку. – Все в порядке. – И хлопнул себя по ляжке: – Вот они, денежки! – Это была кодовая фраза.

Барханова сразу понял, что дело неладно. Он вернул трубку Шефу.

– Я принимал вас за серьезного человека, Борис Сергеевич, – проговорил он скорбно, – а вы, оказывается... мелкий жулик!

Он подхватил свой кейс и направился к выходу.

– Ну, ты! – крикнул ему в спину Шеф. – Не забывайся!

Барханов остановился, повернулся к нему и сказал возмущенно:

– Ваши парни денег не отдали! Как это прикажете понимать?

– Откуда вам это известно?

– Знаю... Есть маленькая хитрость! – ответил Барханов и пояснил: – Мы с моим помощником условились о парольной фразе. А он, поди, стоит сейчас с пистолетом у затылка! – И Барханов для пущей убедительности постучал себя указа-

тельным пальцем по затылку.

Шеф сделал знак телохранителям, и те метнулись к Барханову. Но тот был готов к подобному развитию событий – тут же выхватил из-за пояса пистолет и сделал предупредительный выстрел в воздух. Люди Шефа отпрянули назад.

Держа пистолет в направлении Шефа, Барханов второй рукой вынул из кейса футляр с эгретом.

– Если попытаетесь захватить эгрет силой, я разнесу его вдребезги! – воскликнул он и направил дуло пистолета на ювелирное изделие. – И тогда ни мне, ни вам!

Шеф испуганно замахал руками.

– Э-э... ни... не... – замычал он, боясь, что Барханов осуществит свою угрозу. – Не надо, не надо! – И, обернувшись к телохранителям, приказал: – Стоп! Опустите ваши пушки!

Телохранители опустили свои пистолеты.

Убедившись, что острота ситуации погашена, Шеф приложил трубку телефона к уху и сказал:

– Писатель, отдай посылному деньги...

– Не держите меня за олуха! – заявил Барханов. – Вы получите эту роскошь, – он кивнул на эгрет, – после того, как мой друг позвонит сюда из безопасного места. Даю вам полчаса. Больше ждать не буду.

– Ладно, – хмуро согласился Шеф. И сказал в трубку: – Отдайте ему баксы, и пусть идет на все четыре стороны...

На явочной квартире подручные Шефа, державшие Аля-

бьева под охраной, отпустили его. Тот, который буравил ему голову дулом пистолета, убрал оружие в кобуру под мышкой.

Писатель безрадостно бросил на стол кейс с деньгами. Сходил в другую комнату, принес оттуда полиэтиленовый пакет и высыпал на стол еще несколько пачек долларов.

– Это всё!

Алябьев аккуратно пересчитал пачки, переложил деньги в свою спортивную сумку и вышел за дверь.

– Иди за ним! – приказал Писатель «качку», державшему Алябьева под дулом пистолета. – Проследи, куда пойдет...

Оказавшись на улице, Алябьев не мудрствуя лукаво помчался через дворы. Добежал до такси, ожидавшего его в переулке.

– Поехали, командир! – сказал он, ныряя в машину.

И уже в движении посмотрел через заднее стекло и увидел «качка» из команды Шефа, бежавшего следом и отчаянно махавшего рукой...

Проехав два квартала и убедившись, что его никто не преследует, Алябьев вылез у телефонной будки. Отпустив машину, он вошел в будку и набрал номер.

– Позовите моего напарника... Все в порядке, – сказал он, когда Барханову дали трубку. – Валюта в кошелке! Теперь можешь сматывать удочки. Желаю удачи!

Барханов весело посмотрел на Шефа.

– На этот раз действительно все в порядке, – проговорил он, отдавая трубку телефона помощнику Шефа.

Он открыл кейс, вынул оттуда футляр с эгретом и протянул его Шефу.

Тот с умиротворенной улыбкой поглядел на футляр, отдал его помощнику. Игриво погрозил Барханову пальцем. Затем бесцеремонно выхватил у него кейс из рук:

– Позвольте...

Когда кейс оказался у Шефа в руках, он открыл его и вынул оттуда еще один футляр, точно такой, как первый. Оба футляра легли на стол, Шеф с торжествующей улыбкой открыл их. И взорам присутствующих предстали два совершенно одинаковых эгрета.

– Ого-о... – прозвучало в зале.

Ольга Петровна даже рот приоткрыла от удивления.

– Что же это вы? – недобро усмехнулся Шеф. – Для экспертизы предоставили один экземпляр, а мне, сделав подмену в кейсе, даете другой? Оказывается, не я, а вы жулик! – Выдержав паузу, Шеф взял оба футляра и, к неудовольствию Барханова, убрал их в свой небольшой аккуратный кейс. – Ладно, я вас прощаю... Сука! – заключил он.

На том и расстались.

На улице Барханов пошел в одну сторону, а Шеф, усевшись в свой шикарный автомобиль, поехал в другую. Правда, вторая машина по приказанию Шефа поехала следом за

Бархановым, стараясь не привлекать его внимания.

Сделав еще один звонок по телефону, Алябьев повесил трубку и хотел выйти из будки, но не тут-то было. Путь ему преградил неожиданно появившийся Болт. Он, ухмыляясь, смотрел на артиста через стекло, придерживая дверь крепкой рукой.

– Ну вот мы и встретились! – проговорил Болт удовлетворенно и распахнул дверь. – Иди сюда, гнилая колбаса!

Увидев пистолет в его руке, Алябьев обреченно вздохнул и, прикрывая собою чемоданчик с деньгами, поднял вверх свободную руку:

– Сдаюсь!

Болт выволок артиста из будки и, подталкивая в спину пистолетом, указал на машину, стоящую у тротуара.

– Иди к той машине... И без шуток, а то башку прострелю!

Алябьев покорно направился к машине, косясь по сторонам и думая, как бы удрать.

– Что в кейсе? – спросил Болт и, не дождавшись ответа, приказал: – Брось его!

– Не брошу! Там водка, четыре бутылки... – соврал Алябьев – не рассказывать же о долларах.

Ложь сработала.

– Действительно водяру жалко, – согласился Болт. – Тогда неси... Потом врежу на твоих поминках!

Добравшись до условленного места и убедившись, что за ним нет хвоста, Барханов сел в машину, где его ожидала Мата Хари. Устроившись на заднем сиденье, он снял вешалку с одеждой, висевшую у левого окна, и стал переодеваться в дорожный костюм.

– Ну как? – спросила Мата Хари, сидевшая за рулем.

– Отлично получилось! – воскликнул Барханов. – Все сработало – и то, что ты нас предала... «Съел» обе подделки, как и планировали. Одну принял за оригинал в полной уверенности, что мы ее выкрали из Алмазного фонда... Если бы он только знал, что я туда прогулялся для отвода глаз!.. И Ольга Петровна – молодец, была на высоте! Лишь бы Серега теперь не подкачал...

Мата Хари включила зажигание.

– Когда вскроется обман, этот тип с ума сойдет, и тебе не поздоровится... – сказала она.

– Плевать! Мы уже будем далеко...

Барханов вышел из машины, сел рядом с Матой Хари. Машина нырнула под арку дома и выехала на широкий проспект. Следом за ними вырулил «мерседес» с подручными Шефа, которых Барханов не заметил.

– Поехали прямо в Шереметьево... – Барханов с наслаждением откинулся на спинку кресла, радуясь удачно завершённому делу. – Серега приедет туда, сразу к регистрации. Только забросит одному надежному человеку деньги, что-

бы тот расплатился за нас с людьми... И да здравствует Париж! – И он выбросил вверх руку со сжатым кулаком.

Вдруг что-то привлекло внимание Маты Хари в зеркале заднего обзора. Лицо ее стало озабоченным.

– Кажется, за нами погоня... – сказала она спустя несколько мгновений.

Барханов обернулся и увидел едущий за ними «мерседес».

– Черт! – выругался он. – Мигают фарами, хотят, чтобы мы остановились... – Секунду он оценивал ситуацию. – Прибавь скоростёнки и дуй вперед!

Мата Хари прибавила газу. Понимая, что ей на «Жигулях» трудно соперничать с «мерседесом» на широком проспекте, свернула на первом повороте в переулки и стала там петлять, удачно используя узость и загроможденность улиц автотранспортом.

Тем не менее за рулем в «мерседесе» находился мастер, он тоже умело лавировал на узких дорогах, и «Жигулям» не удалось оторваться от иномарки на значительное расстояние.

У Маты Хари возник план.

– Нам надо разделиться, – сказала она Барханову. – Я знаю один сквозной двор... Заедем туда, и ты выскочишь... Найдешь какую-нибудь машину и доберешься до Шереметьева сам...

– А ты? – спросил Барханов.

– Я выкручусь... Если не успею к самолету, в Париж по-

летите без меня...

И, работая, как заправский гонщик, баранкой и ручкой переключения скоростей, свернула под арку дома и понеслась через дворы.

– Нет, так не пойдет! – заупрямился Барханов. – Я тебя не брошу!

– Перестань! – оборвала его женщина. – Если смогу, вылечу завтра, а если нет... Я же говорила, что прыгаю с парашютом... А он иногда может не раскрыться, и надо быть готовым к этому... Сейчас будет тот самый двор... Выпрыгнешь и беги под арку направо...

– Послушай, будем выбираться вместе!

Мата Хари бросила на него короткий решительный взгляд.

– Времени для болтовни нет... Прыгай!

Она притормозила, и Барханов вылетел в открытую дверцу наружу. Он не упал, хотя скорость была немалой, удержался на ногах и, устояв, метнулся под низкую арку дома и скрылся за строениями во дворе. Все произошло на повороте в считанные мгновения, и из машины, летевшей сзади, никто ничего не увидел.

«Жигули» Маты Хари выскочили в переулок, а через него – на набережную. Проскочив на красный свет светофора, машина понеслась на большой скорости вдоль решетчатого парапета, окаймлявшего реку. Свернуть налево к домам, через встречную полосу, и вновь уйти в переулки не было никакой

возможности – слишком много машин двигалось по встречной полосе! – и Мата Хари летела вперед, выжав педаль газа почти до упора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.